

ДЖУЛИЯ ГАРВУД

Хранимая благодать

Шарм (АСТ)

Джулия Гарвуд

Хранимая благодать

«АСТ»

1993

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Гарвуд Д.

Хранимая благодать / Д. Гарвуд — «АСТ», 1993 — (Шарм (АСТ))

ISBN 978-5-17-133127-6

Леди Джоанна благословляла день, когда погиб ее жестокий муж, и даже не задумывалась о новом браке... Но, к сожалению, в Англии эпохи короля Иоанна Безземельного молодая, красивая, знатная и богатая вдова – слишком большая ценность, чтобы на нее не нашлась целая стая охотников. И единственное, чем может защитить Джоанну добрый сводный брат, – это выдать ее за своего верного друга, шотландского лэрда Габриеля Макбейна, в чьих высоких душевных качествах, по крайней мере, нет сомнения. Но сможет ли этот действительно благородный и обаятельный мужчина сделать Джоанну счастливой в варварском Шотландском нагорье, где жизнь груба и трудна, война случается гораздо чаще мира, а слово «англичане» вызывает всеобщую лютую ненависть?..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-133127-6

© Гарвуд Д., 1993
© АСТ, 1993

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	34
Глава 6	50
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Джулия Гарвуд Хранимая благодать

*Светлой памяти
Мэри Фелиситы Кеннеди Мёрфи,
моего доброго ангела*

Julie Garwood
SAVING GRACE

Перевод с английского *М.С. Литваковой*

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения литературных агентств Jane Rotrosen Agency LLC и Andrew Nurnberg.

© Julie Garwood, 1993

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Пролог

Барнсли, Англия, 1200 год Мужской монастырь

– Ваше преосвященство, не объясните ли нам иерархию небес и земли? Кого Господь поставил выше всех? – спросил ученик.

– Наверное, апостолы первыми отмечены его милостью? – предположил второй.

– Нет, – ответил мудрый епископ Холвик. – Выше всех поставлен Господом архангел Габриель¹, покровитель женщин и детей, защитник невинных.

– Кто же следует за ним? – спросил первый ученик.

– Остальные ангелы, разумеется, потом двенадцать апостолов во главе с Петром, а за ними – пророки, чудотворцы и те, кто проповедовал Слово Божье на земле, а уже за ними стоят на небесах все другие святые.

– А кого Господь выделяет здесь, на земле, ваше преосвященство? Кто из людей прежде всех отмечен Божьей благодатью?

– Мужчина, – без промедления ответил епископ. – А превыше всех мужчин – наш святой отец.

Ученики кивнули, вполне соглашаясь с этой доктриной. Томас, старший из юношей, чье лицо выражало напряженную работу мысли, облокотился о выступ каменной стены и воскликнул:

– Далее любовью Господа одарены кардиналы, а затем другие служители Божьи!

– Это так, – согласился епископ, довольный догадкой ученика.

– А кто же идет после них? – спросил второй ученик.

– Ну что же, далее следуют владыки царств земных, – объяснил епископ. Он сел на середину деревянной скамьи, расправил складки своих затейливо украшенных черных одежд и продолжил: – Однако те государи, благодаря которым умножаются церковные богатства, конечно же, более возлюблены Господом, нежели те, кто копит золото для своих собственных удовольствий.

Еще трое юношей подошли послушать поучения святого наставника. Они уселись у ног епископа.

– Следуют ли за ними женатые, а после них – неженатые мужчины? – спросил Томас.

– Да, – подтвердил епископ. – Они стоят на той же ступени, что купцы и шерифы, однако выше крепостных, прикрепленных к земле.

– А кто после них, ваше преосвященство? – продолжал интересоваться второй ученик.

– Животные, от наиболее верного человеку – собаки, – ответил епископ, – и до скудоумных волов. Вот, полагаю, я подробно ознакомил вас со всей иерархией, чтобы вы могли повторить это своим ученикам, когда примете обет и посвятите себя Господу.

Томас встряхнул головой:

– Вы забыли женщин, ваше преосвященство. Любит ли их Господь?

Епископ потер лоб, обдумывая вопрос.

– Я не забыл женщин, – сказал он наконец. – В любви Господа им отведено самое последнее место.

– Ниже скудоумных волов? – спросил второй ученик.

– Да, ниже волов.

Юноши, сидевшие на земле, тут же закивали в знак согласия.

– Ваше преосвященство! – обратился к епископу Томас.

¹ Габриель (Gabriel) – английская транскрипция имени архангела, которое по-русски произносится Гавриил. – *Здесь и далее примеч. пер.*

– Что такое, сын мой?

– Вы познакомили нас с иерархией Бога или церкви?

Вопрос ужаснул епископа Холвика. По его мнению, в нем прозвучало богохульство.

– Но ведь это одно и то же. Разве не так?

Большинство людей, живших в раннем средневековье, верили, что церковь точно истолковывает учение Господа. Но не все. Некоторые, в том числе и женщины, думали об этом иначе. Наша история – об одной из таких женщин.

Глава 1

Англия, 1206 год

Эта новость, конечно, была для нее убийственной. Келмиту, ее преданному управителю, оставшемуся за старшего в доме со времени поспешного отъезда из Англии барона Рольфа по личному поручению короля, выпала тяжкая обязанность сообщить своей госпоже ужасную весть. Он не стал откладывать, ибо догадывался, что леди Джоанна пожелает задать посыльным несколько вопросов до их возвращения в Лондон, если, конечно, сможет говорить с кем-нибудь после того, что услышит о своем возлюбленном супруге.

Да, нужно было сообщить все благородной леди как можно скорее. Келмит хорошо знал, в чем состоит его долг, и ноги, словно увязая по колено в болоте, потащили его по дороге в сторону заново отстроенной часовни, куда леди Джоанна отправилась к обеду.

Отец Питер Маккечни, священник, приехавший из Маклорина, расположенного в Нагорье², одолевал крутой подъем с нижнего двора в тот момент, когда Келмит заметил его. Вздох облегчения вырвался из груди управителя, и он призывно окликнул сурового на вид священника, пытаясь перекрыть шум ветра:

– Я нуждаюсь в ваших услугах, Маккечни!

Священник кивнул и нахмурился, поскольку все еще не простил управителю его оскорбительного поведения с ним два дня назад.

– Я нужен вам для исповеди?

В резком голосе Келмита явственно звучала насмешка, когда он крикнул в ответ:

– Нет, отец мой.

Маккечни покачал головой:

– Вы добьетесь, что душа у вас станет черным-черна.

Управитель, никак не отреагировав на это предупреждение, терпеливо поджидал, когда темноволосый шотландец подойдет к нему, а увидев в глазах священника насмешку, понял, что тот потешается над ним.

– Есть вещи и поважнее моей исповеди, – начал Келмит. – Я только что получил известие...

Но священник не дал ему закончить.

– Сегодня Страстная пятница, и ничего важнее исповеди быть не может. Я не причащу вас в нынешнюю Пасху, если вы сегодня же не покаетесь в грехах и не получите отпущения от Господа. И вы должны начать с собственной грубости. Да, это будет подходящий зачин.

Но Келмит не потерял терпения:

– Я уже все объяснил вам, отец мой, но вижу, что вы не простили меня.

– Правда, не простил.

Управитель нахмурился:

– Я не мог позволить вам войти в башню, поскольку получил специальное распоряжение барона Рольфа не допускать никого во время его отсутствия. Мне было приказано отказать даже брату леди Джоанны, барону Николасу, если он приедет с визитом. Постарайтесь меня понять, отец мой. За последний год я уже третий управитель здесь и всего лишь пытаюсь продержаться на этой должности дольше, чем другие.

Маккечни фыркнул. Он еще не все высказал управителю.

– Выходит, что, не вмешайся леди Джоанна, я и по сей день должен был бы торчать за стенами замка?

– Если бы не махнули на все рукой и не вернулись домой, – признал Келмит.

² Так называют север и северо-запад Шотландии.

– Я не собираюсь возвращаться, пока не поговорю с бароном Рольфом и не поставлю его в известность о том опустошении, которое учинил его вассал на земле Маклорина. Там идет настоящее избиение невинных, и я буду просить вашего барона не рассчитывать на то, что такой злобный и жадный до власти человек, как Маршалл, переменится. О бароне Рольфе говорят как о честном человеке. Надеюсь, что это заслуженно, и потому он должен пресечь зверства как можно скорее. Ведь маклоринские воины постоянно обращаются за помощью к бастарду Макбейну. Некоторые уже присягнули ему на верность и провозгласили лэрдом – и все адские силы вот-вот вырвутся на свободу. Макбейн объявит войну и Маршаллу, и любому грабителю-англичанину на земле Маклорина. Воины Нагорья способны и на ярость, и на мщение. Я готов биться об заклад: пострадает шкура и самого барона Рольфа, если Макбейн убедится, что язычники, которые насилюют землю Маклорина, – ставленники вашего барона.

Келмит, хотя и был далек от бедствий шотландцев, все же заинтересовался рассказом. Кроме того, разговор со священником позволял ему оттянуть выполнение тяжелого долга. «Конечно же, несколько минут промедления ничего не изменят», – подумал Келмит.

– Так вы предполагаете, что воины Маклорина двинутся на Англию?

– Я не предполагаю, – возразил священник, – а не сомневаюсь, но до сознания вашего барона или кого угодно другого из вас это не дойдет, пока они не почувствуют кинжал Макбейна у себя в глотке. Только будет уже слишком поздно.

Управитель покачал головой:

– Солдаты барона Рольфа перестреляют их раньше, чем они доберутся до подъемного моста.

– У солдат не будет такой возможности, – убежденно заявил Маккечни.

– Разве этот вояка – невидимка?

– Думаю, что он может им стать. Я и впрямь никогда не встречал такого, как он. У вас кровь застыла бы в жилах, расскажи я что-нибудь из того, что слышал о Макбейне, но я лишь ограничусь предупреждением, что не стоит призывать его гнев на ваши башни.

– Сейчас это уже не имеет значения, отец мой, – прошептал Келмит ослабевшим голосом.

– О, значит, все в порядке? – усмехнулся священник. – Но я собираюсь дожидаться вашего барона, сколько бы ни пришлось ждать. Дело слишком серьезно, чтобы проявлять нетерпение.

Отец Маккечни остановился, пытаясь вновь обрести самообладание. Ему было известно, что судьба Маклорина не волнует управителя, но стоило ему начать объясняться, как гнев, тщательно загоняемый вглубь, прорвался наружу, и не в его власти было скрыть ярость, прозвучавшую в голосе, однако теперь он переменил тему, принуждая себя говорить спокойно и сдержанно:

– Хотя вы, Келмит, старый пес и греховодник, но при этом честнейший человек, когда речь идет об исполнении долга. Господь вспомнит об этом в Судный день. Какую услугу я могу вам оказать, коль не нужен для исповеди?

– Я прошу вас помочь мне переговорить с леди Джоанной, отец мой. Пришло известие от короля Джона...

– Ну-ну? – поторопил его Маккечни, когда управитель замялся на полуслове.

– Барон Рольф умер.

– Боже всевышний! Что вы такое несете?

– Это правда, отец мой.

У Маккечни перехватило дыхание, он поспешно перекрестился и, склонив голову и сложив руки, зашептал молитву об упокоении души барона.

Ветер бил его по ногам полами рясы, но Маккечни был слишком погружен в молитву, чтобы обращать на это внимание. Келмит перевел взгляд на небо. Черные набухшие тучи гнал завывающий ветер, и жуткий, зловеющий звук приближающейся бури был под стать событиям.

Священник закончил молитву, перекрестился еще раз и обратился к управителю:

– Почему же вы сразу не сказали мне об этом? Зачем позволили мне говорить? Вы должны были бы прервать меня. Боже праведный, что теперь будет с маклоринцами?

– Я ничего не могу ответить вам относительно владений барона в Нагорье.

– Вы должны были сразу же сообщить мне о том, что произошло, – повторил священник, терзаемый скорбной вестью.

– Несколько минут ничего не меняют, – возразил Келмит. – Возможно, благодаря разговору с вами я лишь оттягивал выполнение своей обязанности. Видите ли, я должен сообщить эту весть леди Джоанне и ваша помощь будет для меня неоценимой. Она так молода, ей неведомо вероломство. Ее сердце будет разбито.

Маккечни кивнул:

– Я увидел вашу госпожу всего два дня назад, но уже знаю, что у нее кроткий нрав и чистое сердце, однако не уверен, что смогу вам помочь. Ваша госпожа, как мне кажется, опасается меня.

– Она вообще боится священников, отец. И у нее есть на это веская причина.

– И что же это за причина?

– Она исповедуется у епископа Холвика.

– Можете не продолжать, – пробормотал с отвращением отец Маккечни, – скверная репутация Холвика хорошо известна даже в Нагорье. Неудивительно, что бедняжка напугана. Удивительно скорее то, что она пришла мне на помощь и настояла, чтобы вы, Келмит, впустили меня в замок. Теперь я понимаю, что для этого требовалось мужество. Бедная девочка! Потерять возлюбленного супруга в таком нежном возрасте. Сколько лет она была замужем за бароном?

– Более трех. Леди Джоанна была совсем еще дитя, когда ее выдали замуж. Пожалуйста, святой отец, пойдемте со мной в часовню.

– Разумеется.

– Я знаю, что не найду нужных слов... не представляю себе... как сказать... – Голос Келмита прерывался, когда он попытался продолжить разговор.

– Говорите прямо, – посоветовал священник. – Она оценит это. Не заставляйте ее ломать голову от ваших намеков. Возможно, в этой ситуации самое лучшее – вызвать какую-нибудь женщину, которая может утешить вашу госпожу. Леди Джоанне наверняка так же потребуется женское сочувствие, как и наше.

– Я не знаю, кого об этом попросить, – признался Келмит. – За день до своего отъезда барон Рольф полностью заменил всю прислугу. Миледи плохо знает даже имена слуг. Все эти дни госпожа полагалась лишь на себя. Она очень добра, отец мой, но далека от всех домашних, к тому же ее учили не слушать ничьих советов. Так что у нее нет доверенных лиц и нам некого сегодня позвать с собой.

– Сколько времени отсутствовал барон Рольф?

– Да почти полгода.

– И все это время леди Джоанна полагалась лишь на себя?

– Да, отец мой. Она не доверяет никому, даже своему собственному управителю, – проговорил Келмит, имея в виду себя. – К тому же барон сказал нам, что будет отсутствовать всего неделю-другую, и мы жили, ожидая его приезда со дня на день.

– Как он умер?

– Вроде бы потерял равновесие и сорвался со скалы. – Управитель покачал головой. – Уверен, что здесь что-то не так: барон Рольф не страдал неуклюжестью. Возможно, самой леди Джоанне король расскажет больше.

– Итак, нелепый несчастный случай, – произнес священник и, помолчав, добавил: – Что же, на все воля Божья.

– А может, происки дьявола, – пробормотал Келмит.

Маккечни не стал даже обсуждать такую возможность, но заметил:

– Леди Джоанна, разумеется, снова выйдет замуж. Ведь она унаследует значительный доход, не так ли?

– Она получит третью часть владений своего мужа, а они, как я слышал, весьма обширны, – пояснил Келмит.

– А может ли быть среди этих владений маклоринская земля, которую ваш король Джон украл у короля Шотландии и отдал барону Рольфу?

Келмит допускал такую возможность, а Маккечни принял это к сведению.

– Полагаю, что каждый холостой английский барон пожелал бы взять в жены вашу леди, с ее золотистыми волосами и чудесными голубыми глазами. Мне грешно признаваться в этом, но я скажу, что глубоко потрясен ее красотой. Она легко очарует любого мужчину даже и без того состояния, которое может принести мужу.

Они подошли к узкой лестнице, ведущей вверх, к дверям часовни.

– Она красива, – согласился управитель. – Я видел, как даже солидные мужчины превращались в ее присутствии в настоящих болванов. Бароны, безусловно, пожелали бы ее... но не в качестве супруги.

– Что за чушь! Почему?

– Она бесплодна, – объяснил Келмит.

У священника округлились глаза, и он прошептал, склонив голову:

– Боже милосердный!

После этого перекрестился и сотворил молитву Господу о милосердии к милой леди.

Леди Джоанна тоже была погружена в молитву: стояла перед алтарем и просила Всевышнего вразумить ее. Ей было послано правильное решение. Закончив свое обращение к Господу, она завернула пергаментный свиток, который держала в руках, в льняную ткань, еще раз подумав, не уничтожить ли эту улику, изобличающую ее короля. Нет. Когда-нибудь этот свиток найдут, и если хоть один человек узнает правду о вероломстве короля, который некогда правил Англией, то, возможно, это послужит справедливости.

Джоанна поместила свиток между двумя мраморными плитами под алтарем и, удостоверившись, что он надежно скрыт от глаз и защищен от повреждений, сотворила еще одну, короткую, молитву, преклонила колена, затем прошла между рядами скамей и, отворив дверь, вышла из часовни.

Разговор между отцом Маккечни и Келмитом тут же оборвался.

Облик леди Джоанны опять поразил священника, и он признал это без чувства вины и угрызений совести. Маккечни не считал грехом похоти то, что заметил сияние ее волос или изумился чуть больше, чем было возможно, прелести ее лица. В его глазах Джоанна была просто одним из Божьих созданий, великолепным примером совершенства, творимого Господом.

Среднего роста, саксонка с головы до пят, с высоко очерченными скулами и светлой кожей, она, однако, благодаря своей царственной осанке, казалась выше священника.

Да, ее лицо доставило удовольствие святому отцу, и он не сомневался, что не только ему, но и самому Господу, поскольку обладала добрым и мягким сердцем.

Маккечни был человеком сострадательным. Душа его страдала от жестокого удара, который судьба уже обрушила на эту достойную леди: бесплодные женщины были не нужны в этом королевстве. Бремя, что она несла, сознавая свое унижительное положение, конечно же, и было причиной, по которой он никогда не видел ее улыбки.

А теперь ее ждал еще один жестокий удар.

– Могу ли я сказать вам несколько слов, миледи? – спросил Келмит.

Его тон уже должен был ее насторожить. Она и правда взглянула на него тревожно, ладони сжались в кулаки, и, кивнув, медленно вернулась в часовню.

Мужчины последовали за ней. В середине прохода между рядами деревянных скамей леди Джоанна остановилась и повернулась к ним. Прямо у нее за спиной находился длинный мраморный алтарь, на поверхности которого стояли четыре светильника, освещавших часовню, и пламя мигало внутри круглых стеклянных сфер.

Леди Джоанна распрямила плечи, сложила руки и твердо посмотрела на управителя. Казалось, она собирается с силами, чтобы услышать дурные вести. Ее голос прозвучал как тихий шепот, лишенный всяких эмоций:

– Мой супруг возвратился домой?

– Нет, миледи. – Келмит взглянул на священника, тот ему кивнул и выпалил: – Только что прибыли двое посыльных из Лондона с ужасными вестями. Ваш супруг погиб.

За этим сообщением последовало долгое молчание. Келмит нервно сжимал и разжимал руки, а его госпожа не обнаруживала никакой ответной реакции. Решив, что она не поняла смысла сказанного, он повторил хриплым шепотом:

– Это правда, миледи. Барон Рольф умер.

Отклика по-прежнему не было. Священник и управитель обменялись встревоженными взглядами, но тут увидели, что в ее глазах блеснули слезы. Отец Маккечни едва не издал вздох облегчения: она поняла.

Он ожидал, что она откажется поверить сообщению, ибо за все долгие годы, посвященные утешению обездоленных, он видел, что большинство не хотят верить истине, продлевая самообман хотя бы на несколько минут.

И вдруг произошло непредвиденное.

– Нет! – резко выкрикнула леди Джоанна и так затрясла головой, что ее длинные волосы рассыпались по плечам. – Я не хочу слушать эту ложь! Не хочу и не буду!

– Келмит сказал правду, – спокойно возразил Маккечни низким мягким голосом, но она продолжала трясти головой:

– Это обман. Он не мог умереть. Келмит, вы должны докопаться до правды! Кто сказал вам такую ложь?

Священник быстро шагнул вперед, готовый подхватить несчастную женщину, которая едва держалась на ногах. Боль в ее голосе едва не заставила заплакать его самого.

Но она не приняла их утешение: отступив назад, сжала руки и требовательно спросила:

– Ведь это ложь, да? Всего лишь жестокая ложь...

– Нет, миледи, – возразил Келмит. – Известие доставлено от самого короля Джона. Имеется свидетель. Барон умер.

– Его душа почил в бозе, – нараспев произнес Маккечни.

Леди Джоанна залилась слезами. Мужчины бросились было к ней, но она отстранилась от них, отступив назад, упала на колени и обхватила себя руками, согнувшись так, словно ее ударили в грудь.

Ее рыдания были душераздирающими.

Мужчины позволили ей выплакаться, а когда ей наконец удалось немного прийти в себя и рыдания понемногу затихли, священник положил руку ей на плечо и прошептал утешительные слова. На сей раз леди Джоанна не сбросила его руку. Глубоко вздохнув, успокаиваясь, она вытерла лицо льняным платком, который Маккечни предложил ей, а затем подала ему руку и поднялась.

Все еще не поднимая головы, она тихо попросила:

– Теперь я хотела бы побыть одна. Мне нужно... помолиться.

Не ожидая их согласия, она отвернулась и направилась к первой скамье, а там преклонила колени на обитую кожей подушечку и перекрестилась перед началом молитвы.

Священник вышел первым. Келмит последовал за ним и только собрался было притворить за собою дверь, как госпожа окликнула его:

– Поклянитесь, Келмит. Поклянитесь могилой вашего отца, что мой супруг действительно умер.

– Клянусь, миледи.

Управитель помедлил минуту-другую, ожидая, не нужно ли госпоже что-то еще, а затем плотно закрыл за собой дверь.

Джоанна долго, очень долго смотрела на алтарь, в ней бушевало множество чувств и мыслей, она была слишком оглушена, чтобы разумно рассуждать, поэтому просто шептала:

– Я должна молиться. Мой супруг умер. Я должна молиться.

Она закрыла глаза, сложила руки перед грудью и наконец обратилась к Богу. Это была простая литания, шедшая прямо из ее сердца:

– Благодарю тебя, Господи, благодарю...

Глава 2

Шотландское нагорье, 1207 год

У барона, очевидно, появилось желание свести счеты с жизнью, и лэрд собирался помочь ему в этом.

Четыре дня назад Макбейн сорвал с запутанной лозы сплетен известие, что барон Николас Сендерс прокладывает путь по последним крутым, занесенным снегом холмам у маклоринских земель. Англичанин не был чужаком и даже некогда сражался бок о бок с Макбейном в отчаянной битве против английских язычников, обретавшихся в этих местах. Когда тот бой был закончен, Макбейн стал лэрдом – и для своих соратников, и для всего маклоринского клана – и, как их новый вождь, позволил Николасу оставаться среди них еще довольно долгое время, чтобы оправиться от своих ран. Макбейн полагал тогда, что он весьма предупредителен и чертовски великодушен, но на законном основании. Раздражало, что барон Николас и впрямь в этом бою спас ему жизнь. Лэрд был человек гордый: ему трудно, а пожалуй что и невозможно, было выговорить «благодарю вас», и потому в качестве благодарности за спасение от английского меча, нацеленного ему в спину, он не дал Николасу изойти кровью. Поскольку среди них не было ни одного опытного во врачевании человека, он сам промыл и перевязал раны барона. Его великодушие не ограничилось этим, хотя, по собственному мнению, он уже сполна расплатился. Когда Николас достаточно окреп для путешествия, Макбейн вернул ему великолепного скакуна и снабдил пледом цветов своего клана, – это позволяло на обратном пути безопасно проехать Шотландию. Ни один клан не посмел бы тронуть макбейнца, так что плед был куда более надежной защитой, чем кольчуга.

Да, он и впрямь был гостеприимен, и теперь барон решил извлечь из этого выгоду. «Проклятье, он и в самом деле хочет заставить меня убить человека», – думал Макбейн, и только одна светлая мысль не давала его настроению окончательно испортиться. Раз так – он заберет его скакуна.

– Прикорми однажды волка, Макбейн, он так и будет кружить здесь в ожидании новой поживы. – В голосе первого командира, белокурого воина по имени Колум, звучала усмешка, искры, блеснувшие в глазах, говорили, что его забавляет приезд барона. – Решили его убить?

Макбейн долго обдумывал вопрос, прежде чем ответить:

– Возможно.

Голос его звучал подчеркнуто небрежно, и Колум расхохотался:

– А барон Николас не из трусливых, если возвращается сюда.

– Да нет, просто дурак, – поправил его Макбейн.

– Он поднимается на последний холм, одетый в ваш плед, почти как вы того хотели.

Кит, старший из маклоринских воинов, крикнул, что барон, важничая, уже въехал на земли Маклорина.

– Хотите, чтобы я провел его внутрь? – спросил Колум.

– Внутрь? – фыркнул Кит. – Да мы скорее снаружи, а не внутри. Крыша уничтожена огнем, а из четырех стен теперь гордо высятся только три.

– Это сделали англичане, – напомнил Колум. – А Николас...

– Он приезжал сюда, чтобы избавить маклоринскую землю от язычников, – в свою очередь напомнил Макбейн. – Николас не участвовал в разорении наших земель.

– И все же он англичанин.

– Я не забыл об этом.

Макбейн отодвинулся от каминной полки, на которую опирался, пробормотал ругательство, когда деревянная перекладина загремела на пол, и вышел. Колум и Кит двинулись за ним, но на расстоянии шага, внизу, у основания лестницы, встали по обе стороны своего вождя.

Макбейн среди солдат казался гигантом: с яростным выражением лица, с темной, почти черной, шевелюрой и серыми глазами. И сама его поза была воинственной: широко расставленные ноги, руки, скрещенные на массивной груди, грозно нахмуренные брови.

Барон Николас заметил лэрда, как только добрался до вершины холма. Макбейн, казалось, был в ярости. Николас напомнил себе, что такова обычная манера Макбейна, но на сей раз туча хмурости была слишком черной, и барон, глубоко вздохнув, пронзительно свистнул в знак приветствия, к этому прибавил улыбку и вскинул руку в воздух.

На Макбейна, однако, маневры барона не произвели никакого впечатления. Он подождал, пока Николас доберется до середины пустынного двора, и поднял руку, безмолвно требуя остановиться.

– Я же советовал вам не возвращаться сюда, барон.

– Да, советовали, я помню, – согласился Николас.

– А помните ли, что я обещал вас убить, если вы когда-нибудь снова ступите на мою землю?

Николас кивнул:

– У меня крепкая память на всякие мелочи, Макбейн. Я помню и это.

– Так это что, вызов?

– Да, если хотите, – ответил Николас, пожимая плечами.

Улыбка на лице барона привела в замешательство все воинство Макбейна. Может, Николас думает, что с ним шутят? Или он настолько простодушен?

Макбейн тяжело вздохнул:

– Снимите мой плед, Николас.

– Зачем?

– Я не хочу испачкать его вашей кровью.

Его голос дрожал от ярости. Николас понадеялся в душе, что угроза тем и ограничится. Он полагал себя равным лэрду по силе мускулов и крепости духа, к тому же наверняка был и ростом не ниже его ни на дюйм, и все же не желал сражаться с ним. Если он убьет лэрда, его план провалится, а если лэрд убьет его, то никогда не узнает, какой имелся план, или узнает, но будет уже слишком поздно. Кроме того, Макбейн был намного проворнее и дрался, не соблюдая правил, – свойство, которое Николас находил весьма впечатляющим.

– Да, это ваш плед, – крикнул он дикарю. – Но земля, Макбейн, теперь принадлежит моей сестре.

Макбейн нахмурился еще больше: не любил он выслушивать правду, – и, шагнув вперед, вытащил меч из ножен, висевших у пояса.

– Дьявол! – пробормотал Николас, перекидывая ногу через конский хребет и спешиваясь. – До чего же легко иметь с вами дело, правда, Макбейн?

Он не ожидал ответа и не получил его. Сбросив плед, он закинул его в свое седло и потянулся за мечом. Один из маклоринских воинов бросился вперед, чтобы увести лошадь, но Николас не обратил на него никакого внимания и попытался так же игнорировать толпу, которая кольцом оцепила двор. Его мозг был полностью сосредоточен на противнике.

– Ваш зять разорил это владение и уничтожил половину маклоринского клана, – проревел Макбейн. – И я достаточно долго терпел здесь ваше присутствие.

Два гиганта смерили друг друга горящими взглядами, и Николас покачал головой:

– Не искажайте факты, Макбейн: не моя сестра, а ее муж, барон Рольф, поставил Маршалла и его жалких людей управлять этим владением, но когда Рольф умер и сестра стала свободной, она отправила меня освободить и эту землю от вассалов-предателей. Эти владения принадлежат ей. Ваш король Уильям Лев забыл выменять их у Ричарда, когда этот славный рыцарь был королем Англии и испытывал отчаянную нужду в деньгах для своих крестовых походов. Но Джон никогда не забывал о том, что досталось ему по наследству. Он отдал эту

землю своему преданному слуге Рольфу, а коли барон умер, ее наследует Джоанна. Так что земля по праву ее, нравится это вам или нет.

Копание в старых обидах привело обоих противников в неистовство, и они бросались друг на друга, как разъяренные быки, только лязг их огромных мечей, высекавших голубые искры, сверлил слух скрежетом стали, а шум эхом отдавался в холмах, и одобрителное ворчание толпы тонуло в нем.

Ни один из бойцов в течение двадцати минут не произнес ни слова. Бой поглощал все их силы и внимание. Макбейн нападал, Николас защищался, отражая один смертельный удар за другим.

Воины Макбейна и маклоринские солдаты были чрезвычайно довольны этим зрелищем. Некоторые одобрително приветствовали быстрые действия англичанина, поскольку, по их мнению, Николас доказал свое превосходящее мастерство уже тем, что до сих пор оставался жив.

Внезапно Макбейн изловчился и сделал барону подножку. Николас упал на спину, перевернулся и снова вскочил на ноги с проворством кошки, прежде чем лэрду сумел воспользоваться ситуацией, и проговорил, задыхаясь:

– Вы чертовски негостеприимны.

Макбейн улыбнулся: все могло бы закончиться, когда Николас упал на спину, но он наконец признался себе, что бился не всерьез, – а потому объявил:

– Я сохранию вам жизнь из любопытства.

Он тоже тяжело дышал, лоб покрылся потом. Его меч опустилсЯ вниз, описав широкую дугу, и Николас взмахнул мечом, отражая мощный удар:

– Нам придется породниться, Макбейн, нравится вам это или нет.

Чтобы постигнуть смысл этого заявления, лэрду понадобилось несколько секунд, и, не переставая атаковать, он спросил:

– Как это может быть, барон?

– Я собираюсь стать вашим шурином.

Макбейн даже не пытался скрыть своего изумления, услышав возмутительное и совершенно безумное заявление барона, отступил назад и медленно опустил меч.

– Вы окончательно рехнулись, Николас?

Барон расхохотался и отбросил оружие в сторону.

– У вас такой вид, Макбейн, как будто вы проглотили собственный меч.

Сделав это наблюдение, он с силой ударил лэрда головой в грудь. Чувство было точь-в-точь такое, словно он таранил каменную стену. Конечно, это грозило членовредительством, но зато обеспечило успех: Макбейн глухо заворчал и выпустил меч. Николас завершил начатое, усевшись на лэрда верхом. Он был слишком вымотан, чтобы сдвинуться, и кроме того, каждое движение причиняло ему сильную боль. Макбейн толкал его в сторону, пытался переместить ближе к коленям, и уже почти добрался до меча, когда внезапно изменил намерение и, медленно повернувшись, взглянул на Николаса.

– Она англичанка?

Сипел он ужасающе, и это наблюдение чрезвычайно понравилось Николасу. Как только он оказался в состоянии сделать глубокий вздох, ему захотелось прихвастнуть тем, что сумел изнурить лэрда.

Макбейн поднялся, поставил на ноги и Николаса, потом, оттолкнув назад, скрестил руки на груди и потребовал объяснений.

– И кто же та, на ком, как вы полагаете, я должен жениться?

– Моя сестра.

– Вы безумец.

Николас покачал головой:

– Если на ней вы не женитесь, король Джон отдаст ее барону Уильямсу, младшему сыну его сучки, – прибавил он неприятно бодрым голосом. – Помогите вам тогда Бог, Макбейн. Если Уильямс женится на ней, то по сравнению с людьми, которых он пришлет, Маршалл покажется вам просто добрым малым.

Внешне лэрд никак не отреагировал на эту порцию новостей. Николас потрогал ушибы на голове, пытаясь унять боль, и продолжил:

– Вероятно, вы убьете всякого, кого сюда пришлют.

– Будь я проклят, если это не так! – проворчал Макбейн.

– Но Уильямс оплатит вам за это, послав сюда еще больше людей... и еще... и еще. Вы можете позволить себе вести постоянную войну с Англией? Сколько маклоринцев погибнет, прежде чем все уладится? Оглянитесь вокруг. Маршалл и его проклятые люди уничтожили все жилье поблизости. Маклоринцы обратились к вам за помощью и сделали вас лэрдом. Они зависят от вас. Если вы женитесь на Джоанне, земля будет вашей по закону, король Джон оставит вас в покое.

– Ваш король одобряет этот союз?

– Одобряет, – со значением произнес Николас.

– Почему?

Николас пожал плечами:

– Я не знаю наверняка, но он несколько раз повторял, что хочет отправить Джоанну из Англии. Кажется, он чрезвычайно желает этого брака и согласен отдать вам маклоринскую землю в тот же день, как вы обвенчаетесь, а ее английские владения получу я.

– Почему? – упорствовал Макбейн.

Николас вздохнул:

– Полагаю, сестра знает, почему Джон так желает отправить ее как можно дальше – он называет ваши места краем света, – но что побуждает его к этому, не говорила.

– Итак, вы тоже извлечете выгоду из моей женитьбы.

– Мне не нужны английские владения, – возразил Николас. – Они принесут мне только дополнительные ежегодные налоги, а сам я и без того имею достаточно, чтобы заново отстроить все мои поместья.

– Почему же вы запросили сестринские?

Николас пояснил:

– Если бы Джон, известный своей жадностью, узнал, что я просто хочу защитить сестру от барона Уильямса, то не согласился бы выдать ее за вас. Конечно, он потребовал большую пеню, но я уже ее выплатил.

– Вы противоречите сами себе, барон. Если Джон хочет выслать Джоанну из Англии, почему же собирался выдать ее за барона Уильямса?

– Потому что тот абсолютно предан Джону. Это его комнатная собачонка. Он смог бы держать Джоанну под контролем. – Николас покачал головой и, понизив голос, добавил: – Сестре что-то о нем известно, и он не хотел бы, чтобы пошли разговоры о его прежних грешках. Нет, она никогда, конечно, не смогла бы свидетельствовать в суде против кого-либо, тем более – против своего короля, ибо она женщина и, следовательно, ее просто никто не будет слушать, но ведь есть же бароны, готовые поднять бунт. Возможно, он опасается, что Джоанна вполне в состоянии разжечь их пыл, если расскажет что-нибудь этакое. В общем, чем больше я об этом думаю, тем сильнее убеждаюсь, что наш король и впрямь чего-то боится.

– Если ваша догадка верна, то меня удивляет, что она до сих пор жива. Ваш король ведь способен просто уничтожить ее.

Николас знал, что ему не добиться содействия Макбейна, если не будет с ним предельно откровенен, поэтому кивнул:

– Согласен: король способен на убийство. Я был с Джоанной, когда она получила приказ выехать в Лондон, и видел ее реакцию: она думала, что едет на казнь.

– И все же она еще жива.

– Король держит ее под усиленной охраной. Она живет обособленно и в постоянном страхе, никого не принимает. Я бы хотел отправить ее подальше от Англии, так что брак с вами – идеальный выход.

Лэрд, вполне удовлетворенный искренностью барона, жестом предложил ему следовать за ним и направился к развалинам, которые теперь именовал домом.

– Итак, вы прибыли сюда с этим хитроумным планом, – тихо произнес Макбейн.

– Да, – ответил Николас. – И как раз вовремя. Джон собирался выдать сестру за Уильямса полгода назад, но ей удалось этому воспротивиться.

– Каким образом?

Николас усмехнулся:

– Для начала она потребовала развода.

Макбейн искренне удивился:

– Для чего ей понадобился развод? Ее супруг умер.

– Это был замечательный отвлекающий маневр, – пояснил Николас. – Смерть ее мужа мог подтвердить свидетель, но самого тела ей не предъявили. Сестра заявила королю, что она ни за кого не выйдет замуж вторично, пока остается хоть кроха надежды, что Рольф все-таки жив. Видите ли, он умер не в Англии, а по поручению короля в Венеции, городе на воде, когда с ним произошел этот несчастный случай. Король, конечно, не собирался принимать ее отказ, но, поскольку в те дни у него были нелады с церковью, решил действовать законным путем. Джоанна получила бумаги совсем недавно: ей предоставлен развод.

– А кто этот свидетель смерти ее мужа?

– Зачем вы спрашиваете?

– Простое любопытство, – ответил Макбейн. – Вы его знаете?

– Да, – отозвался Николас. – Это Уильямс.

Макбейн отправил эту порцию сведений в тайник своей памяти.

– Значит, вы предпочли меня английскому барону?

– Уильямс – чудовище, и я не вынес бы даже мысли, что моя сестра отдана ему во власть. Вы меньшее из двух зол. Я знаю, что с ней вы будете обходиться хорошо... если она выйдет за вас.

– Что за чушь? Ведь решать не ее дело.

– Боюсь, что так, – согласился Николас. – Но Джоанна сначала должна встретиться с вами. Это лучшее из всего, что я могу сделать. Правда, она вообще не стала бы вторично выходить замуж, если бы могла существовать на те средства, которые король требует оставлять вдовам. Во всяком случае, ей так кажется. Но я осведомлен лучше. Король все равно выдал бы ее замуж, тем или другим способом.

– Жадности вашего короля нет предела, – заметил Макбейн. – Или это касается только вашей сестры?

– Вы имеете в виду мою пеню? – уточнил Николас.

Макбейн кивнул.

– Нет. Джон умеет принудить вдов своих вассалов ко вторичному замужеству, а если они предпочитают оставаться свободными, то должны выплачивать ему ежегодный налог – а это приличные суммы.

– Но раз вы уже выплатили пеню, значит, предполагаете, что Джоанна сочтет меня приемлемой партией?

Николас кивнул:

– Но сестра не знает, что я уплатил пеню, и я был бы вам весьма признателен, если бы вы не упоминали об этом.

– Я должен обдумать ваше предложение, – объявил Макбейн, сложив руки за спиной, и вошел внутрь. – Мысль о женитьбе на англичанке неудобоварима, а если она к тому же ваша сестра – то почти абсурдна.

Николас понял, что его провоцируют, но решил не обращать на это внимания. Макбейн испытывал его характер на протяжении всего боя против Маршалла и его когорты.

Лэрд временами бывал груб, но, несомненно, это человек отваги и чести.

– Есть еще кое-что, о чем вы должны знать, прежде чем примете решение, – сказал Николас. – Джоанна бесплодна.

Макбейн кивнул, несколько минут никак не реагировал на это сообщение, потом просто пожал плечами:

– У меня уже есть сын.

– Вы имеете в виду Алекса?

– Да.

– Мне говорили, что право на отцовство могут заявить по меньшей мере трое.

– Это правда, – не стал спорить Макбейн. – Его мать была потаскушка. Но поскольку она умерла при родах, я признал мальчика своим.

– А кто-нибудь еще претендовал на это?

– Нет.

– Джоанна не принесет вам детей. Тот факт, что Алекс незаконнорожденный, может иметь какое-то значение в будущем?

– Никакого, – отрезал Макбейн. – Я и сам незаконнорожденный.

Николас рассмеялся:

– Значит ли это, что, когда я называл вас бастардом в пылу битвы против Маршалла, это было вовсе не оскорбление, а констатация факта?

– Любого другого, кто так бы меня назвал, я бы убил. Считайте, что вам повезло.

– Повезет и вам, если Джоанна решится выйти за вас.

Макбейн покачал головой:

– Если для того, чтобы получить эти земли, придется жениться на мегере, я так и сделаю.

– Почему вы решили, что она мегера? – удивился Николас.

– Вы дали мне достаточное представление о ее характере, – ответил Макбейн. – Она упряма, поскольку отказалась довериться своему брату, когда тот спросил, какими сведениями против собственного короля она располагает. Ей необходим человек, который контролировал бы ее, – таковы ваши собственные слова, Николас, не прикидывайтесь изумленным. И, наконец, ей случилось оказаться бесплодной. Это вам кажется трогательным?

– Конечно.

Макбейн усмехнулся:

– Я не завидую себе в качестве ее мужа, но буду обращаться с ней по-доброму. Полагаю, мы найдем способ не стоять друг у друга поперек дороги.

Лэрд налил вина в два серебряных кубка и вручил один Николасу. Каждый поднял свой в знак приветствия и залпом его осушил. Николас уже освоился с требованиями этикета в Нагорье и тут же рыгнул. Макбейн одобрительно кивнул.

– Итак, таково средство, благодаря которому вы будете наезжать сюда когда заблагорассудится?

Николас рассмеялся и немного погодя сказал:

– Мне придется попросить у вас несколько пледов. Не хотите же вы, чтобы что-нибудь случилось с вашей невестой?

– Я дам вам плед, и не один, Николас, – согласился Макбейн, – но мне хотелось бы видеть по меньшей мере три десятка всадников в качестве эскорта невесты, одетых в мои цвета. Когда доберетесь до Стремительного ручья, вы их отпустите. Ступить на нашу землю будет разрешено только вам и вашей сестре.

– Я пошутил насчет пледов: о сестре позабочусь сам.

– Вы поступите так, как велю я, – оборвал его Макбейн.

Николас уступил, и лэрд переменял тему разговора:

– Сколько времени Джоанна пробыла замужем?

– Немногим больше трех лет. Я знаю, ей не хочется выходить замуж еще раз, но ее чувства Джона не интересуют. Он держит ее в Лондоне под замком. Только мне и было позволено короткое свидание, причем в его присутствии. Как я уже говорил, все, что заботит его сейчас, – это бесконтрольное положение моей сестры.

Макбейн нахмурился, а Николас, напротив, улыбнулся:

– Вам не досаждают мысли, что вы оказались подарком, ниспосланным Джону за его молитвы?

Лэрд не оценил шутку.

– Я получу землю, и это единственное, что имеет значение.

Тут внимание Николаса привлек гигантский волкодав Макбейна, вбежавший в комнату. Это был настоящий лютый зверь с полосатой шерстью и темными глазами. Николас подумал, что собака весит, наверное, столько же, сколько он сам. Пес заметил незнакомца и издал низкое, угрожающее рычание, от которого у кого угодно волосы встали бы дыбом.

Макбейн что-то рявкнул по-гэльски, и его чудовищный любимчик тут же подошел к ноге и сел.

– Один совет, Макбейн: спрячьте куда-нибудь это чудище, когда я привезу сюда Джоанну. Иначе, стоит ей взглянуть на вас обоих, она умчится обратно в Англию.

Макбейн расхохотался, но тут же посерьезнел:

– Запомните мои слова, барон: я не приму отказа. Она выйдет за меня.

Глава 3

– Я не хочу идти за него, Николас! Ты, должно быть, не в своем уме, если думаешь, что я когда-нибудь соглашусь стать его женой.

– Внешний вид обманчив, – увещевал ее брат. – Вот познакомимся с ним поближе – и поймешь, что он добрый. Кроме того, он будет хорошо с тобой обращаться.

Джоанна покачала головой. У нее так дрожали руки, что она едва не выронила поводья. Сжимая кожаные ремни, она старалась не смотреть на огромного воина... и на чудовищное животное, сидевшее у его ног.

Они были недалеко от внешнего двора уединенного владения Макбейна. Лэрд стоял на лестнице, ведущей в полуразрушенную башню, и, казалось, был не слишком рад ее приезду.

От одного его вида Джоанне стало дурно, она глубоко вздохнула, пытаясь сохранить спокойствие, и пробормотала:

– Какого цвета у него глаза, Николас?

Брат этого не знал, и она удивилась:

– Как можно увидеть в глазах доброту и при этом не заметить цвета?

– Мужчины не обращают внимания на такие мелочи, – попытался выкрутиться Николас.

– Ты сказал, что он сама доброта и доброжелательность, но сейчас он мрачен как туча.

– Но, Джоанна...

– Ты мне солгал!

– Вовсе нет! – возразил Николас. – Макбейн действительно дважды спас мне жизнь во время сражения с Маршаллом и его людьми, но отказался даже признать это. Он гордый и честный, можешь мне поверить. Я не предложил бы тебе выйти за него, если бы в чем-то сомневался.

Джоанна промолчала, но ее охватила паника, когда она переводила взгляд с огромного воина на страшилище рядом с ним, и Николасу показалось, что она вот-вот потеряет сознание. Он лихорадочно подыскивал какие-то слова, которые успокоили бы сестру, и пошутил:

– Макбейн тот, который слева, Джоанна.

Однако ее это не позабавило, и дрожащим голосом она проговорила:

– Какой он огромный!

Брат наклонился к ней и похлопал по руке:

– Не выше меня.

Ей не хотелось, чтобы ее утешали, тем более чтобы он почувствовал, как она дрожит от страха, поэтому руку она оттолкнула.

– Другая на твоём месте была бы рада: такой надежный защитник рядом.

Джоанна во все глаза смотрела на лэрда, и чем ближе они подъезжали, тем выше, казалось, он становился.

– Он довольно привлекателен, – обронила она тоном обвинителя.

Николас пожал плечами, а она добавила:

– Это не в его пользу: не хочу выходить замуж за красавца.

– Ты несешь вздор.

– Вовсе нет! Я не пойду за него. Отвези меня домой, Николас, и сейчас же.

Барон дернул за поводья, останавливая ее коня, и посмотрел сестре в лицо. Страх в ее глазах отозвался в его сердце ноющей болью. Только он знал, через какие муки прошла она, будучи замужем за бароном Рольфом, и, хотя Джоанна никогда не призналась бы в этом, видел, что сейчас она испытывает настоящий ужас.

– Поверь мне: Макбейн никогда тебя не обидит, – произнес он твердо.

Она не собиралась признаваться, что панически боится, поэтому сказала:

– Я и сама никому не позволю меня обидеть!

Ее ответ вызвал его одобрительную улыбку. Рольф не смог выбить из нее бунтарский дух, который казался Николасу благословением Господним.

– Вспомни о том, что говорит в пользу брака с Макбейном. Ты будешь в безопасности далеко от короля Джона и его приспешников, они не смогут приехать сюда за тобой.

– Это важно.

– Макбейн ненавидит Англию и нашего короля.

Джоанна закусила нижнюю губу, но все же согласилась:

– Это еще один серьезный довод.

– Места, которые сейчас тебе кажутся такими дикими, однажды станут настоящим раем, если ты сможешь возродить их.

– Да, я сделаю это с удовольствием, – сказала она. – К тому же я так тоскую по теплу. Я и впрямь согласилась приехать сюда единственно из-за твоих уверений, что эта земля гораздо ближе к солнцу. Должна признать, необходимость кутаться в тяжелую меховую накидку всего один месяц в году показалась мне весьма привлекательной. Странно только, что в это время года все еще так холодно.

Боже праведный, Николас совсем забыл про эту свою маленькую ложь! Джоанна ненавидела холод и абсолютно ничего не знала о Шотландском нагорье. Он обманул ее, чтобы увезти из Англии целой и невредимой, и вот теперь чувствовал себя страшным грешником, потому что уговорил поддержать эту его выдумку священника.

У отца Маккечни были свои причины желать, чтобы Джоанна вышла за лэрда Макбейна, и потому он хранил молчание всякий раз, когда она упоминала о привлекательности теплого солнечного климата, однако со значением поглядывал на Николаса, когда бы ни всплывала эта животрепещущая тема.

Николас понял, что, оказавшись по колено в снегу, Джоанна догадалась, что он солгал, и оставалось только надеяться, что со временем ее мнение о Макбейне изменится.

– Ты оставишь меня одну, Николас?

– Да.

– Ты ничего не рассказывал ему о моей жизни с Рольфом?

– Конечно, нет! Я же дал тебе слово.

– Но он, разумеется, знает, что у меня не будет детей?

– Да, и его это вполне устраивает.

– Но почему?

– Ему нужна земля. Он лэрд и должен ставить интересы клана выше собственных. Женитьба на тебе – самый простой путь для достижения его целей.

Это был холодный, но честный ответ, и Джоанна кивнула:

– Хорошо, я согласна с ним встретиться, но это не значит, что тут же побегу к алтарю, так что ты прямо сейчас можешь перестать улыбаться.

Макбейн, устав дожидаться, когда невеста наконец подъедет к нему, спустился вниз, как только она подтолкнула своего коня вперед. Ему до сих пор не удавалось рассмотреть ее, так как она была закутана в темную накидку с капюшоном, но то, что она оказалась невысокой, удивило: он ожидал, что она будет под стать брату.

Хотя внешность ее не имела для него особого значения: этот брак был лишь выгодной сделкой, не более, – Макбейн предполагал, что леди Джоанна будет смуглой и темноволосой, как ее брат.

Николас спешил первым и, бросив поводья солдату, подошел к сестре, чтобы помочь ей сойти. Он взял ее руки в свои и улыбнулся, демонстрируя свою заботу, и Макбейн подумал, что это похоже на представление и братская привязанность несколько преувеличена.

Пока Джоанна развязывала шнурок капюшона, солдаты начали выстраиваться за спиной своих вождей. Люди Маклорина сгруппировались сзади на левой стороне широкой лестницы, в то время как воины Макбейна выстроились на правой. Шесть ступенек были забиты любопытствующими – все желали увидеть невесту своего лэрда.

Как только Джоанна сняла накидку и оперлась на руку брата, Макбейн услышал глухой одобрителный гул и хоть полагал, что сам не издал ни звука, уверен в этом не был: при виде суженой у него перехватило дыхание.

Николас ни слова не сказал о ее внешности, а Макбейн не настолько интересовался ею, чтобы спрашивать. Теперь он взглянул на барона и, увидев веселье в его глазах, постарался скрыть свое изумление, переключив все внимание на направлявшуюся к нему красивую женщину.

Господи, да она само совершенство! Ее светлые до пояса волосы трепетали при каждом шаге. На свежем чистом лице сияли живые глаза глубокой голубизны, очаровательный носик украшали несколько веснушек, а губы... Боже праведный, эти губы могли бы и святого ввести в соблазн страстных мечтаний. Он был сражен.

Не все маклоринские воины умели так хорошо владеть собой, как Макбейн: двое из стоявших прямо за спиной лэрда от изумления издали протяжный хриплый свист и были тут же наказаны за это. Полуобернувшись, вождь схватил обоих за шиворот и спустил с лестницы.

Джоанна резко остановилась, взглянула на солдат, растянувшихся на земле, а затем опять перевела глаза на их вождя.

– Добрый, говоришь? – шепнула она Николасу. – Ведь это тоже ложь, не так ли?

– Не суди его строго.

Прежде чем продолжить путь, она окинула брата недовольным взглядом, и в этот момент Макбейн шагнул вперед. Его волкодав двинулся вместе с хозяином, прижимаясь к его ногам, и Джоанна вздрогнула, моля Бога послать ей достаточно мужества, чтобы продолжать идти. Остановившись в двух шагах от этого огромного человека, она сделала безупречный реверанс, хотя колени подгибались. Она была безумно рада, что удалось сохранить равновесие и не упасть. Она стояла так, склонив голову, и слышала громкое сопение и какое-то урчание, не понимая, что все это означает: одобрение или недовольство.

На лэрде был плед цветов его клана. Она старалась не смотреть ему в лицо и поэтому видела только его длинные мускулистые ноги.

– Добрый день, лэрд Макбейн.

Ее голос дрожал: она боялась его, – что Макбейна вовсе не удивило. Его вид заставлял не одну девицу бежать сломя голову под защиту папаши, но ему никогда и в голову не приходило изменить свои манеры, поскольку он о них особенно и не задумывался.

Теперь, однако, придется. Он не сумеет убедить эту женщину выйти за него, если ничего не предпримет для того, чтобы ее успокоить. Она испуганно то и дело поглядывала на собаку, и Макбейн понял, что пес ужасает ее.

От Николаса ждать помощи не приходилось: он лишь стоял и усмехался.

Макбейн взглядом попытался дать ему понять, что потребуется переводчик, но на всякий случай спросил:

– Говорит ли она по-гэльски?

Вместо брата ответила сама Джоанна:

– Я изучала ваш язык.

И хоть сказано это было не по-гэльски, он ее понял.

Он видел, как она напряжена, и решил, что светская беседа могла бы ее успокоить.

– И как долго вы его изучали?

Она, очевидно, не поняла его вопроса. Конечно, это его вина. Он смотрел на нее так сурово, что до нее вообще, наверное, не доходил смысл происходящего.

Он терпеливо повторил вопрос, и она наконец ответила:

– Около месяца.

Кто-то из солдат хмыкнул, но Макбейн взглядом остановил его и не рассмеялся сам, а вот Николас нахмурился, удивляясь, почему она не сказала правду. Прошло уже почти четыре месяца с тех пор, как отец Маккечни начал с ней заниматься. Заметив панику в ее глазах, он не стал ее поправлять: Джоанна просто слишком нервничала.

Наконец Макбейн решил, что для такого важного свидания здесь слишком много зрителей.

– Подождите здесь, Николас. Мне нужно побеседовать с вашей сестрой.

Он шагнул вперед, чтобы предложить Джоанне руку, но пес двинулся следом. Сначала она инстинктивно отступила, но, сообразив, что это могло показаться трусостью, быстро шагнула вперед.

Огромная собака угрожающе зарычала, но лэрд что-то резко сказал, и ужасный рык тут же оборвался.

Николас видел, что Джоанна вот-вот потеряет сознание, что ей необходима передышка, чтобы вновь обрести само- обладание, и подошел ближе:

– Почему вы не разрешили отцу Маккечни и моим людям пересечь Раш-Крик?

– Мы с леди Джоанной должны договориться, а потом уже отцу Маккечни будет разрешено сюда войти. Что касается ваших людей, я никогда не позволю ступить им на нашу землю. Таковы мои условия. Вы что, забыли?

Николас не возражал, а Джоанна заметила:

– Святой отец почувствовал себя оскорбленным, когда вы приказали ему подождать внизу.

Макбейн лишь пожал плечами: его не слишком интересовал чужой священник, – а Джоанне не хотелось, чтобы его обижали.

– Отец Маккечни утомлен долгой дорогой, милорд, и наверняка нуждается в пище и питье. Пожалуйста, окажите ему гостеприимство.

Макбейн кивнул и, повернувшись к Колуму, распорядился:

– Позаботься об этом.

Он подумал, что, выполнив ее просьбу, успокоит страхи на свой счет. Кроме того, доказал, что может быть любезным, но Джоанна все равно готова была сбежать. Какое же она робкое создание! А тут еще его четвероногий любимец! Она то и дело бросала испуганные взгляды на собаку и едва не падала в обморок всякий раз, когда псина рычала на нее.

Макбейн, наблюдая за всем этим, решил, что хочет перекинуть ее через плечо и внести в дом, однако удержался, но сама эта мысль его развеселила. Он предложил ей руку и терпеливо ждал, когда она ее примет.

Джоанна увидела по его глазам, что он догадался, как она его боится, и что ему эти ее страхи кажутся забавными. Глубоко вздохнув, она вложила свою руку в его огромную ладонь.

Макбейн наверняка почувствовал, как она трепещет, но, поскольку он был вождем клана, она полагала, что какие-то джентльменские манеры ему все же знакомы и он не станет обращать внимание на ее поведение.

– Почему вы так дрожите?

Она попыталась выдернуть свою руку, однако ей не удалось: он держал ее крепко и явно не собирался отпускать. И прежде чем Джоанна нашлась что ответить, он повернулся и потащил ее за собой по ступенькам вверх.

– Из-за вашей необычной погоды, – проговорила она запоздало.

– Из-за чего? – Он был в замешательстве.

– Не обращайтесь внимания, милорд.

– Нет, все-таки объясните, что вы имели в виду.

Она вздохнула:

– Николас говорил, что здесь весь год стоит тепло... А такие холодные ветра весьма необычны.

Макбейн едва не расхохотался: как раз погода была необыкновенно мягкой для этого времени года, – но одернул себя и даже не улыбнулся. Молодая леди уже обнаружила свою уязвимость, и он понимал, что насмешки над ее наивностью вряд ли улучшат ее отношение к нему.

– А вы всегда верите брату на слово? – только и спросил он.

– Да, конечно, он же старше, опытнее...

– Понятно.

– Знаете, я вся дрожу: здесь очень холодно, – сказала Джоанна, не придумав ничего убедительнее.

– Нет, причина вашего состояния не в холоде.

– Нет? А в чем же тогда?

– Просто вы меня боитесь.

Он ожидал, что она опять солжет, но не угадал:

– Да, я вас боюсь. А еще вашу собаку.

– Мне нравится ваша правдивость.

Он наконец отпустил ее, но она была так удивлена его замечанием, что забыла отнять свою руку, и он улыбнулся:

– Что вы меня боитесь, я сразу понял, Джоанна. Мне нравится, что вы не солгали и признались в этом.

– Вы бы поняли, что я лгу.

– Конечно.

Это прозвучало слишком самоуверенно и высокомерно, но она не обиделась: такой огромный неустрашимый воин должен знать себе цену. Спohватившись, она убрала руку и оглянулась, осматривая вход, который они миновали. Справа поднималась широкая лестница с деревянными перилами, украшенными резным орнаментом, за которой начинался коридор, а слева от входа виднелись распахнутые двери в большой полуразрушенный зал. Джоанна осталась на верхней ступеньке и посмотрела на развалины. Стены обуглились, крыша, от которой мало что осталось, нависала широкой полосой, удерживаясь на потемневших опорах. В воздухе висел застарелый запах дыма.

При виде этого опустошения у нее сжалось сердце, и она чуть не заплакала.

Макбейн наблюдал за сменой выражений на ее лице.

– Это сделали люди моего мужа?

– Да.

Она обернулась, и он, увидев в ее глазах глубокую печаль, понял, что у нее есть совесть.

– Это несправедливо.

– Согласен, но вы здесь ни при чем.

– Да, но я могла бы попытаться объяснить мужу...

– Сомневаюсь, чтобы он прислушался к вам, – возразил Макбейн. – Скажите-ка мне вот что: знал ли ваш супруг, что его вассал был причиной здешнего разорения?

– Уверена, что он знал, на что способен Маршалл.

Макбейн кивнул и, сжав руки за спиной и продолжая разглядывать ее, заметил:

– Вы постарались как-то загладить содеянное: послали сюда за Маршаллом брата.

– Но вассал возомнил себя полубогом: не пожелал даже слушать, что Рольф умер и что здесь он уже не нужен.

– Он не был здесь нужен с самого начала, – резко заявил лэрд.

Она кивнула в знак согласия:

– Да, вы правы.

Он вздохнул:

– У Маршалла оказалась власть, и мало кто смог бы отказаться от нее.

– А вы?

Ее вопрос удивил его. Он собирался ответить, что, мол, конечно, смог бы, но положение лэрда было ему внове, и если по-честному, то не знал, сумел бы отказаться от достигнутого.

– Я пока не могу ответить на этот вопрос, – признался Макбейн. – Надеюсь, однако, что для пользы клана я смогу сделать все, что бы от меня ни потребовалось, но не могу ничего сказать наверняка, пока не встал перед таким выбором.

Его честность понравилась Джоанне, и она улыбнулась.

– Вы не разрешили Николасу преследовать сбежавшего Маршалла. Он рассказывал, как вы поспорили. Он уснул, а когда открыл глаза, Маршалл валялся у его ног.

Макбейн улыбнулся: Николас, конечно же, смягчил эту кровавую историю.

– Вы согласны выйти за меня, Джоанна?

Он произнес эту фразу, выделяя каждое слово, совершенно серьезно. Джоанна собралась с духом в предчувствии его гнева и медленно покачала головой.

– Объясните мне причину.

Она промолчала. Макбейн не привык, чтобы ему перечили, но постарался не выказывать своего неудовольствия. Он не мог похвастать умением обращаться с женщинами, а уже о том, что такое ухаживать за дамой, и вовсе понятия не имел.

С какой стати они решили предоставить женщине право выбора? Николас мог бы просто поставить сестру в известность, что собирается выдать ее замуж, и все, не было бы сегодняшнего спора. К этому моменту они уже обменивались бы обетами!

– Я не люблю нерешительных людей.

Джоанна гордо выпрямилась и заявила:

– Это скорее осмотрительность, милорд, и здравомыслие.

– Вот как? И чем же я вам не угодил?

– Вы слишком привлекательны.

– Вы так считаете?

Он что, кокетничает или правда удивлен, как будто понятия не имел, насколько хорош собой?

– Это не комплимент, сэр, – заявила Джоанна. – Скорее, наоборот. Я не люблю таких огромных мужчин.

Она знала, что несет несусветную чушь, но отступить не могла. Она смотрела ему в глаза, хмурилась и, обхватив себя руками, ждала его вердикта.

– Что вы думаете о моих словах, милорд?

И в ее позе, и в голосе чувствовался вызов. Такая хрупкая и такая смелая! Внезапно ему опять стало весело, но он сдержал смех и постарался сказать как можно крене:

– Вы смелая, но слишком дерзкая.

– Возможно, – согласилась Джоанна. – Но это не меняет моих чувств.

Макбейн решил, что этот спор занял слишком много времени.

– Суть в том, что вы отсюда не уедете. Завтра состоится свадебная церемония и вы станете моей женой.

– Вы женитесь на мне против моей воли?

– Непременно.

Черт, опять в ее глазах полыхнул страх. Такая реакция его не устраивала, и он решил попробовать прибегнуть к разумным доводам. В конце концов, не людоед же он!

– Николас меня уверял, что отъезд из Англии был для вас весьма привлекателен. Что изменилось за эти несколько минут?

– Нет, я не изменила свое решение, но...

– Вы готовы платить своему королю налоги, которые он требует с вдов или разведенных женщин?

– Нет.

– Возможно, вас привлекает барон Уильямс? Николас говорил, что этот англичанин желал бы жениться на вас. – Он не дал ей времени для ответа. – Впрочем, это не важно: никто другой вас не получит. Я просто не позволю вам уехать.

– Мне не нужен барон Уильямс.

– Судя по отвращению, с каким вы это произнесли, он тоже высок и очень привлекателен?

– Если вы находите таковыми свиней, то да, милорд. К тому же глуп как пробка. Мне он совершенно не подходит.

– Вам трудно угодить.

– Вы смеетесь надо мной?

– А как еще относиться к вашим сумасбродным ответам? Николас такой же высокий, как я, но вы же его не боитесь.

– Да, но брат никогда меня не обижал.

Истина была высказана. Слова вырвались у нее раньше, чем она успела подумать. Одна бровь у Макбейна приподнялась.

Джоанна потупилась, но он все же заметил краску на ее лице.

– Пожалуйста, попытайтесь понять меня, милорд. После укуса волчонка я просто залечу ранку, но выживу, но если на меня набросится волк, то, полагаю, у меня вообще не останется никаких шансов.

Она так мучительно старалась казаться храброй, что выбилась из сил. Ее ужас был непри-
творным, и Макбейн предположил, что причина кроется в ее прошлом.

Несколько долгих минут протекли в молчании. Макбейн смотрел на нее, а она – в пол.

– Разве ваш муж...

– Я не хочу говорить на эту тему.

Ответ был получен, и он шагнул к ней. Она не отодвинулась, и это уже хорошо. Он положил руки ей на плечи, она не стала сопротивляться.

Его шепот был низкий и грубоватый, когда он произнес:

– Джоанна?

– Да, милорд?

– Я не кусаюсь.

Глава 4

Бракосочетание состоялось на следующее утро. Макбейн согласился ждать ровно столько, сколько требовалось отцу Маккечни, чтобы подготовиться к церемонии, однако это было единственное, к чему его удалось склонить.

Джоанна хотела вернуться в лагерь и провести ночь в своей палатке неподалеку от брата, священника и верных ей людей, но лэрд не желал и слышать об этом. Ей предоставили один из заново отстроенных на холме крохотных домиков с одним-единственным окном и каменным очагом.

Вплоть до самой церемонии Джоанна не видела ни лэрда, ни собственного брата. За дверью Макбейн поставил охрану, и она боялась спросить у воинов, какова их задача: оберегать ее от чужаков или не дать сбежать.

Спала она плохо: мысли метались от одного страха к другому. А если Макбейн будет для нее вторым Рольфом? Великий Боже, сможет ли она снова вынести подобное? Сама возможность вторично выйти замуж за чудовище заставила ее расплакаться от жалости к себе, но она тут же устыдилась. Неужели, в конце концов, она такая трусишка и Рольф был прав, когда смеялся над ней?

Нет-нет, она сильная, она сумеет урезонить любого, кто встанет у нее на пути, не поддастся страхам и не позволит себе так плохо думать о себе самой. Она знает себе цену, черт побери... Ведь правда же?

Джоанна думала, что после смерти Рольфа к ней вернулась уверенность в себе. В первый раз за последние три года она забыла про страх. Ее дни были исполнены благословенного мира. Даже когда король Джон призвал ее к своему двору, ей было позволено оставаться в комнатах одной и никто ей не докучал. Дверь апартаментов выходила в сад, где она проводила почти все свои дни.

Но это блаженное время миновало, и теперь ее снова принуждают к замужеству. Она была уверена, что разочарует лэрда. И что он сделает тогда? Заставит ее чувствовать себя брошенной и ненужной? Господь свидетель, она не допустит этого. Свои нападки Рольф так умело маскировал, а она в силу юности и едва ли не детской наивности не понимала их, а потом уже, пожалуй, было поздно вникать. То были неприметные издевки над ней, к тому же безжалостные, и день ото дня они становились все изощреннее, пока она не почувствовала себя так, словно он вынимал из нее душу. Она попыталась защищаться, и тогда он начал ее избивать.

Джоанна заставила себя оторваться от воспоминаний и, наконец, заснула, моля Бога о чуде.

Николас пришел к ней в полдень и, бросив взгляд на ее бледное лицо, покачал головой.

– Неужели у тебя так мало веры в проницательность собственного брата? Я же сказал тебе, что Макбейн – честный человек. Ты не должна его бояться.

Она вложила свою руку в его ладонь брата, и они вышли вместе.

– Я верю тебе, – пробормотала Джоанна, но ее голосу недоставало убежденности.

Николаса это не задело: он понимал ее страхи. Воспоминание о ее лице, покрытом синяками, которое он изредка видел, когда Рольф не успевал ее спрятать перед его визитом, сейчас всколыхнуло в нем прежний гнев.

– Пожалуйста, не хмурься, Николас. Я справлюсь. Все будет хорошо.

Барон улыбнулся, не в силах поверить, что сестра пытается его успокоить.

– Да, у тебя все будет хорошо. Тебе достаточно осмотреться, чтобы кое-что понять в характере твоего будущего мужа. Вот где ты ночевала сегодня?

– Ты же сам прекрасно знаешь где.

– В новехоньком домике, ведь так? – Он не дал ей времени для ответа. – Отсюда я могу видеть еще три таких же: дерево еще не потемнело от непогоды.

– И что из этого следует?

– Эгоист не стал бы думать о чьих-то удобствах, не так ли?

– Да, наверное.

– А ты новую башню уже видела?

– Нет.

– Колум – это первый командир местного гарнизона – рассказал мне, что домики предназначены для стариков клана, потому что больше других нуждаются в тепле и в крыше над головой. Себя Макбейн не считает таковым. Подумай об этом. А еще я обнаружил, что в восточном крыле над лестницей в самой башне имеются две спальни. Ни одна из них не пострадала от огня, и все же Макбейн не провел там ни единой ночи. Он спит снаружи вместе с другими воинами. Это говорит тебе что-нибудь о его характере?

Ее улыбка была лучшим ответом на его вопрос. Щеки ее порозовели, и Николас удовлетворенно кивнул.

Они уже почти достигли двора и остановились посмотреть, как толпа мужчин и женщин готовит его к свадебной церемонии. Поскольку часовня выгорела, церемония состоится прямо здесь. Алтарь заменит широкая плоская деревянная доска, установленная на двух пустых бочонках их-под эля. Ее застелили белым льняным покрывалом. Отец Маккечни поставил на нее прекрасную золотую чашу-потир и блюдо. Две женщины, опустившись на колени, укрепляли вдоль всей алтарной доски букеты.

Джоанна хотела было двинуться вперед, но Николас удержал ее за руку:

– Есть еще кое-что, что тебе необходимо знать.

– Да?

– Видишь мальчика, что сидит на верхней ступеньке?

Она повернулась голову. Малыш лет четырех-пяти сидел на лестнице совсем один, упираясь локтями в колени и поддерживая голову руками, и наблюдал за приготовлениями с самым несчастным видом.

– Да, вижу, – сказала Джоанна. – Он выглядит очень одиноким. Кто это?

– Сын Макбейна.

Она едва удержалась на ногах:

– Что?

– Тише, Джоанна! Я не хочу, чтобы нас слышали. Ходят слухи, правда, что это не его ребенок, но Макбейн открыто признал его своим.

Известие так поразило ее, что лишило дара речи.

– Его зовут Алекс, – добавил Николас, не зная, что еще сказать.

– Почему ты не сказал об этом раньше? – выдавила наконец Джоанна. – Как давно Макбейн был женат?

– Он не был женат.

– Я не понимаю...

– Алекс незаконнорожденный.

– О Господи!

Она не знала, что и думать.

– Мать мальчика умерла при родах, – добавил Николас. – Ты все равно узнала бы все это, сестренка. Эта женщина была лагерной потаскушкой, поэтому по меньшей мере трое могут претендовать на роль его отца.

Сердце Джоанны наполнилось состраданием. Малыш был просто восхитительный: с темными выющимися волосами. Она не смогла рассмотреть цвет его глаз, но была почти уверена, что они серые, как у отца.

– Но это не важно: Макбейн признал мальчика своим сыном.

Джоанна повернулась к брату:

– Излишне повторять это как попугай.

– И?..

Она улыбнулась:

– Ты о чем?

– Ты признаешь его?

– Ну, как ты можешь об этом даже спрашивать? Конечно, признаю. Разве я могу поступить иначе?

Николас вздохнул. Сестра никогда не поймет путей этого грубого мира.

– Дело в том, что для маклоринцев этот вопрос – яблоко раздора. Прежний лэрд, отец Макбейна, не признал своего сына даже на смертном одре.

– Так он что, тоже незаконнорожденный?

– Да.

– И все же стал лэрдом?

– Тут все очень непросто. Им нужна его сила. В нем течет кровь его отца, и он сумел завоевать авторитет у старейшин клана. Все скоро забыли, что он бастард. Что касается этого мальчика...

Больше он не сказал ни слова, предоставив ей делать выводы. Джоанна покачала головой:

– Так ты полагаешь, что малыш расстроился из-за сегодняшнего венчания?

– Во всяком случае, выглядит он огорченным.

Отец Маккечни привлек их внимание, помахав рукой. Николай взял Джоанну за локоть и двинулся вперед, а она все смотрела на ребенка. Господи, какой он несчастный и потерянный!

– Все готово, – заметил Николай. – А вон и Макбейн.

Лэрд пересек двор и занял свое место перед алтарем, священник встал рядом и жестом позвал Джоанну.

– Я не могу, пока не...

– Все будет хорошо.

– Ты не понял, – шепнула она с улыбкой. – Я скоро вернусь.

– Джоанна, ради Бога...

Слова Николаса повисли в воздухе. Он взглядом проводил сестру, которая прокладывала себе путь через толпу, и только когда она направилась к лестнице, наконец понял, чего она хотела.

Николас перевел взгляд на Макбейна, но по выражению его лица ничего нельзя было понять.

Священник вытянул шею, наблюдая за Джоанной, а затем повернулся к Макбейну, привлекая его внимание к происходящему.

Приблизившись к лестнице, Джоанна замедлила шаг, чтобы не напугать малыша.

Известие, что у Макбейна есть сын, наполнило ее и радостью, и скорбью. Наконец-то она получила ответ на мучивший ее вопрос. Макбейна не смущало, что она бесплодна, очевидно потому, что у него уже есть наследник, не важно, законный или нет.

Наказание, которое тяжелым бременем лежало на плечах, вдруг спало, и она почувствовала себя свободной.

Макбейн нахмурился. Проклятье! Ему совсем не хотелось, чтобы она узнала о мальчике до того, как они поженились и она не переменит своего мнения о нем. Он знал, что у женщин весьма своеобразный склад ума, понять который мало кому удастся. Жены, как правило, ненавидят любовниц своих мужей и не признают бастардов. Макбейн, конечно, намеревался познать Джоанну со своим сыном, но не сразу, а когда немного освоится.

Алекс заметил ее приближение и тут же спрятал лицо в ладошках. Его худые колени были в грязи, как и одежонка. Когда он украдкой взглянул на нее и удалось рассмотреть глаза, Джоанна поняла, что они не серые, как у отца, а синие.

Остановившись на нижней ступеньке, она заговорила с ребенком. Макбейн направился было к ним, но передумал: скрестив руки на груди, стоял и наблюдал за происходящим. Тишина повисла во дворе: все смотрели на лестницу.

– Говорит ли мальчик по-английски? – спросил отец Маккечни.

– Немного, – ответил Макбейн. – Но она сказала, что вы учили ее гэльскому. Хватит ее знаний, чтобы немного поговорить с Алексом?

Священник пожал плечами:

– Вероятно.

Несколько минут о чем-то поговорив с ребенком, Джоанна протянула ему руку. Алекс одним прыжком вскочил на ноги, сбежал с лестницы и вложил свою ладошку в ее теплые пальцы. Она наклонилась, отвела волосы с его глаз, поправила съехавший с плеч плед и повела за собой.

– Он понял, что это означает, – пробормотал Маккечни.

– И что же это? – спросил Колум.

Священник улыбнулся:

– Признание.

Макбейн кивнул. Джоанна подошла к Николасу и взяла под руку.

– Теперь я готова. Алекс, подойди и встань рядом с отцом. Я должна идти к вам обоим.

Мальчик кивнул, помчался по дорожке назад и занял свое место слева от отца. Макбейн взглянул на сына, но лицо его ничего не выражало, и нельзя было понять, доволен он или раздражен. Его глаза остановились на ней, но когда она пошла ему навстречу, разжал руки и положил ладонь на голову сына.

Николас выдавал ее замуж, и Джоанна не сопротивлялась, когда брат вложил ее ладонь в руку Макбейна. Он чертовски гордился сестрой. Она стояла между двумя воинами с гордо поднятой головой и ясным взором, в белом платье до пят, квадратный вырез которого был расшит бледными розовыми и зелеными бутонами. Фата, тоже белая, доходила ей до колен.

От невесты пахло розами. Аромат был слабый, но Макбейн явственно ощущал его. Отец Маккечни взял с алтаря маленький букетик цветов и, вручив ей, приступил наконец к обряду.

Взгляд Макбейна был прикован к невесте. Она выглядела удивительно женственной и хрупкой, и он не знал, как ему с ней себя вести. Больше всего его тревожило, что она недостаточно крепка, чтобы выдержать здешнюю суровую жизнь. Он заставил себя отбросить все страхи. Теперь его долг сделать так, чтобы эта жизнь не показалась ей адом. Он защитит ее от любой опасности, будет холить и лелеять. Пока он плохо понимал как, но был уверен, что сообразит. Он не станет заставлять ее пачкать руки или заниматься изнурительной работой, проследит, чтобы она побольше отдыхала. Заботиться о ней – самое меньшее, на что он готов в благодарность за землю, которую она ему принесла, ведь других причин думать о ее удобствах нет, правда?

Ветер швырнул ей в лицо золотистую прядь волос, и она на мгновение высвободила свою руку, чтобы отвести волосы назад. Какое это было изысканное, женственное движение. Золотая масса волос, казалось, лилась с ее плеч. Пальцы с такой силой сжимали букетик, что с цветов сыпались лепестки, и когда она не вернула свою руку в его ладонь, он был так раздосадован, что взял ее сам и прижал к себе. Николас заметил этот собственнический жест и улыбнулся.

Церемония протекала очень гладко до тех пор, пока отец Маккечни не попросил ее обещать любить, почитать и слушаться своего мужа. Она размышляла над этим целую минуту, а затем покачала головой и, обернувшись к жениху, попросила его наклониться, привстала на цыпочки, словно не хотела, чтобы его услышал кто-то еще.

– Я попробую любить вас, милорд, и наверняка сумею почитать, поскольку вы станете моим мужем, но вот слушаться во всем я не думаю, что смогу. Я полагаю, полное смирение не для меня.

Пока говорила, она оборвала все до единого лепестки со стеблей своих цветов, ухитрившись при этом ни разу не взглянуть ему в глаза, и уставилась на подбородок, ожидая ответа.

Макбейн был так изумлен услышанным, что не заметил ее испуга и спросил, с трудом сдерживая смех:

– Вы что, шутите?

Он даже не понизил голос. Поскольку его совершенно не заботило, что окружающие их слышат, она тоже не стала об этом тревожиться. Ее голос был так же силен, как и его, когда она ответила:

– Шучу с вами во время брачных клятв? Нет, милорд. Я вполне серьезна. Таковы мои условия. Принимаете ли вы их?

Сдерживаться больше не было сил, и он расхохотался. Прилив мужества сразу в ней иссяк, она смутилась и почувствовала себя униженной, но вопрос был слишком важным, чтобы отступить. Был только один способ настоять на своем – удалиться. Она распрямила плечи, выдернула ладонь из руки жениха, сунула ему свой общипанный букетик и, сделав реверанс священнику, быстро пошла прочь.

Все было ясно, однако не все маклоринские воины это уразумели.

– Как, невеста уходит? – достаточно громко, чтобы услышали все, спросил Кит, их командир.

– Она сбегает, Макбейн! – крикнул другой.

– Что ее так расстроило? – воскликнул отец Маккечни. – Разве я сказал что-нибудь неприятное?

Николас бросился было за сестрой, но Макбейн поймал его за руку и, отрицательно покачав головой, сунул ему букетик, пробормотал что-то себе под нос и направился за невестой.

Она уже почти добралась до свободного пространства, когда Макбейн перехватил ее, взял за плечи и повернул к себе. Она не смотрела на него, он приподнял ее лицо за подбородок. Джоанна вся сжалась, приготовившись к его гневу: он, разумеется, высмеет ее, – но тут же напомнила себе, что должна быть сильной.

– Но вы ведь постараетесь? – раздался его спокойный голос.

Ее так удивила его реакция, что страх тут же исчез, а на лице появилась улыбка. Она только что сумела противостоять лэрду и заставила принять ее условия... ну или хотя бы попыталась.

– Да, постараюсь, – пообещала Джоанна и тут же добавила: – Если получится.

Словно в молитве он поднял глаза к небу, решив, что потратил достаточно времени на обсуждения, и, опять завладев ее рукой, повел обратно к алтарю. Ей пришлось почти бежать, чтобы поспевать за ним.

Николас перестал хмуриться, когда заметил улыбку сестры. Ему, конечно, было чрезвычайно любопытно узнать, о чем шел спор, но он решил дождаться конца свадебной церемонии, а потом уже выяснить, что случилось.

Джоанна взяла злополучный букет и, повернувшись к священнику, пробормотала:

– Пожалуйста, простите, что прервала вас, отец.

Маккечни кивнул и повторил свои слова о необходимости любить, почитать и слушаться своего мужа, но на этот раз добавил «пожалуйста».

– Я буду любить, почитать и... стараться слушаться моего мужа, – пообещала Джоанна.

Николас хихикнул, поняв, о чем шел спор, зато маклоринцы и макбейнцы задохнулись от изумления и ужаса, но стоило лэрду скользнуть по ним взглядом, как наступило молчание. Затем он повернул свое хмурое лицо к невесте:

– Послушание и смирение далеко не одно и то же.

– Меня учили иначе, – возразила Джоанна.

– Вас плохо учили.

Его угрюмость пугала, и ее снова охватил страх. Дай Бог пройти через это.

Она опять сунула букетик Макбейну и повернулась, намереваясь уйти, но лэрд хлопнул букетиком о протянутую руку Николаса и перехватил Джоанну прежде, чем та успела сбежать.

– Ох нет, не надо, – шепнул он. – Нам не пройти через это вторично. – Желая доказать, что он подразумевал именно то, что высказал, он положил руки ей на плечи и притянул ее к себе: – Было бы неплохо закончить церемонию до следующего утра, Джоанна.

Она чувствовала себя дурочкой. Священник смотрел на нее с таким видом, словно сомневался, в своем ли она уме. Она вздохнула, опять приняла цветы у брата и обратилась к Маккечни:

– Пожалуйста, простите меня за то, что прервала вас, отец. Прошу вас, продолжайте.

Священник вытер лоб льняным платком и перенес все свое внимание на жениха. Джоанна едва слышала поучение священника о похвальности качеств доброго мужа, поскольку не могла одолеть смущение, но решение было принято, и будь что будет. Она сотворила быструю молитву, решив, что будет правильно предать все свои страхи в руки Господа, но все же хотелось бы, чтобы Всевышний послал ей какой-то знак, который возвестил бы, что все действительно будет хорошо. Какая она все же мечтательница! Она женщина, и потому Господь ее меньше любит, как не раз повторял епископ Холвик. У Бога наверняка нет времени прислушиваться к ее мелким тревогам, и она, вероятно, впала в грех тщеславия, ожидая какого-нибудь знака.

Она чуть слышно вздохнула, но Макбейн услышал и оглянулся, и она ответила ему слабой улыбкой.

Теперь пришел черед лэрда отвечать на вопросы священника. Он начал со своего имени и титула.

Его звали Габриель.

Господь подал ей знак. У Джоанны едва челюсть не отвалилась от изумления, но она постаралась овладеть своими эмоциями, однако мысли удержать не удалось. Вопросы возникали один за другим. Намеренно ли мать назвала его именем ангела, наиболее отмеченного любовью Господа? Джоанна хорошо помнила, что архангел Габриель защищает невинных, а еще известен как покровитель женщин и детей. Она помнила удивительные истории, передаваемые из поколения в поколение, от матери – к ребенку, о самом величественном из всего небесного воинства. Мать говорила, что Габриель всегда наблюдает за ней. Это был особый архангел, которого надлежало звать на помощь в глухую ночь, когда снятся кошмары.

Джоанна покачала головой: чересчур уж она романтична, вот и все. В имени мужа нет ничего символического. Вероятно, его матушка пребывала в мечтательном настроении после его рождения, а может, его и вовсе назвали в честь какого-нибудь родственника.

Это прошлая бессонная ночь виновата в том, что ею овладели столь сумасбродные мысли, но ведь именно тогда она молила о чуде, а несколько минут назад попросила Господа подать ей знак, который позволил бы понять, что все будет хорошо.

Джоанна как-то видела изображение архангела Габриеля, сделанное древесным углем, и до сих пор помнила каждую деталь рисунка. Архангел был представлен в образе рослого воина с мечом в руке и крыльями за спиной.

У мужчины, что стоял рядом с ней перед алтарем, крыльев не было, но вот меч действительно висел на боку.

И звали его так же, как архангела. Неужели Господь услышал ее молитвы и дал ей ответ?

Глава 5

Матушка должна была назвать его Люцифером.

К такому заключению Джоанна пришла уже к концу дня. Впрочем, ему подошло бы имя Варвар или Дикарь. Его высокомерие и властность были поистине дьявольскими, и он понятия не имел о хороших манерах.

Он совершенно не понимает, что драться в день своей свадьбы по меньшей мере невежливо.

О, начал Габриель довольно неплохо. Как только отец Маккечни благословил их и закончил церемонию, супруг повернул ее к себе лицом и набросил ей на правое плечо красивый многоцветный плед, под стать его собственному, а на левое – другой плед, иной расцветки. Первый, как объяснил он, был символом принадлежности к клану Макбейна, а второй – Маклорина. Он дождался ее понимающего кивка, после чего привлек к себе и поцеловал так, что у нее захватило дух.

Губы Макбейна были жесткими и горячими, и страстный поцелуй так воспламенил ее, что ни сил, ни желания сопротивляться не осталось.

Смех за спиной наконец заставил Габриеля оторваться от нее. Увидев совершенно ошеломленное лицо супруги, он удовлетворенно кивнул и вновь повернулся к священнику, а она тем временем пыталась прийти в себя.

Отец Маккечни поспешил обогнуть алтарь, чтобы поздравить молодоженов, и, едва сдерживая смех, заметил:

– Это была прекрасная церемония, но в какую-то минуту я подумал было, что нам не суждено ее закончить.

Джоанна улыбнулась:

– А я не сомневалась. Если какое-то решение принято, нужно довести до конца.

Алекс, топтавшийся рядом, дергал ее за полы, и священник подвел его к отцу, поставил слева.

Мужчины не обратили внимания на ее хвастливое заявление, а Маккечни предложил:

– Не пора ли уже начать принимать поздравления? Весь клан хочет высказать вам свои добрые пожелания.

Габриель продолжал смотреть на жену. Казалось, хотел ей что-то сказать, но не находит нужных слов, – и она решила ему помочь:

– Я слушаю вас, Габриель.

– Не называйте меня так! Терпеть не могу.

– Но почему? По-моему, прекрасное имя, к тому же отмеченное печатью Господа.

Он недовольно заворчал, но она постаралась не обращать внимания на это и спросила как можно любезнее:

– Как же мне тогда вас называть?

– Лэрд, например.

Он что, серьезно? Но ей это не нравится. К чему такие официозы? Она решила все же не выказывать прямого неповиновения и тихо спросила:

– А наедине? Наедине я могу называть вас Габриелем?

– Нет.

– Тогда как же?..

– Если я разрешу вам обратиться ко мне, называйте меня... Макбейн. Да, именно так.

– Если вы разрешите? Понимаете ли вы, сколь высокомерно говорите со мной?

Он лишь пожал плечами и предпочел не обсуждать эту тему.

– Вы поступили правильно, подозвав сюда мальчика.

Его тон был довольно грубым, а она все еще пыталась понять нелепое предложение называть его Макбейном и потому не сразу сообразила, что он благодарит ее.

Она не знала, как на это отвечать, и, кивнув, заметила:

– Да, только было бы неплохо его помыть перед церемонией.

Макбейн с трудом сдержал улыбку. Следовало бы одернуть ее после такого выговора, но он был рад увидеть, что у нее доброе сердце, и спустил ей дерзость.

– Я учту это, когда буду венчаться в следующий раз.

Она не оставила без внимания эту шпильку:

– Вы любите, чтобы последнее слово было за вами, не так ли, милорд?

– Люблю, – согласился он с усмешкой.

Алекс смотрел на Джоанну с восторгом, и сколько бы его ни отводили в сторону, чтобы не вертелся под ногами у взрослых, малыш опять протискивался к ней поближе.

Итак, его жена покорила его сына за несколько минут. Сколько же времени потребуется ему, чтобы завоевать ее сердце? Глупый вопрос. Какое ему дело до ее чувств к нему? Брак закрепил за ним эту землю. Вот и все. Только это имеет значение.

Воины из обоих кланов один за другим выступали вперед, чтобы представиться Джоанне и принести поздравления своему лэрду. За ними следовали женщины. Одна юная рыжеволосая девушка, назвавшаяся Лилой, из маклоринского клана, вручила Джоанне красивый букет пурпурных и белых цветов. Новобрачная поблагодарила дарительницу и хотела было присоединить ее букет к тем цветам, которые сжимала в другой руке, но, взглянув на них, увидела, что они совсем осыпались, и прыснула: это что же, она все время держала в руке пучок голых стеблей?

Наконец представления завершились. Женщины принялись проворно разносить подносы с едой по столам, за которыми собирались мужчины. Габриель углубился в разговор с двумя маклоринскими воинами, а Джоанна повернулась к Колуму и Киту.

– Там, на нижнем лугу, пасется шестерка лошадей...

– Одна лошадка будет моей! – выпалил Алекс, вертевшийся рядом.

Макбейн услышал возглас сына и, обернувшись, заметил:

– Твоей будет та, какую оседлаешь.

Джоанна не обратила внимания на это замечание мужа и продолжила разговор с воинами:

– Это мой свадебный подарок супругу... и Алексу. Может, пошлете кого-нибудь привести их?

Воины, поклонившись, удалились, и тут Алекс подергал Джоанну за фату:

– А тебе папа сделал подарок?

На вопрос ответил сам лэрд:

– Нет, Алекс, не сделал.

– Ну почему же нет? Конечно, сделал, – возразила Джоанна.

– Что же он тебе подарил? – спросил малыш.

Макбейну тоже любопытно было это узнать.

– Твой папа подарил мне тебя. Теперь у меня есть сын, – улыбнулась она Алексу.

Это заявление застигло Макбейна врасплох, а мальчик вовсе не понял, что она имеет в виду, и заявил:

– Но я папин сын.

– Разумеется, – согласилась Джоанна.

Мальчик улыбнулся:

– А сын лучше шестерки лошадей?

– Конечно.

– И даже лучше сотни?

– Да.

Уверившись в своей важности, Алекс гордо оглядел присутствующих.

– Сколько же тебе лет? – удивленно посмотрела на мальчика Джоанна.

Малыш открыл было рот, собираясь ответить, но по его озадаченному виду Джоанна поняла, что он не знает что. Она повернулась к мужу, но он лишь пожал плечами, и это ее ужаснуло.

– Вы не знаете возраста вашего сына?

– Он молод, – ответил Макбейн.

Алекс тут же кивнул в знак согласия и повторил:

– Я молод. Папа, можно я пойду посмотрю лоша- док?

Отец кивнул, и малыш, выпустив фату Джоанны из рук, ринулся догонять Колума и Кита.

Отец Маккечни, наблюдавший всю эту сцену, заметил лэрду, глядя на Алекса, мчавшегося по двору:

– Она покорила мальчишку, не так ли?

– Скорее подкупила. Мужчину не так-то легко покорить, – возразил Макбейн.

– Я и не собираюсь никого покорять, милорд. А сейчас, прошу прощения, я хотела бы поговорить с братом.

Это была замечательная попытка проявить свою волю, но она полностью провалилась: муж схватил ее за руку и притянул к себе.

Николас должен был подойти к ней сам. Его окружили женщины, конечно же, покоренные его красотой и обаянием, и Джоанне пришлось долго ждать, пока он заметил ее знаки и освободился от поклонниц.

Сначала Николас обратился к Макбейну:

– Может, прислать сюда на месяц-другой людей, чтобы помочь в восстановительных работах.

– Вы не пришлете сюда никого. Я убью любого в ту же минуту, как его нога ступит на эту землю, – отрезал Макбейн.

– Вы упрямец, как я погляжу.

– Каков размер пени, что вы заплатили своему королю?

– Что за пеня? – не поняла Джоанна.

Они не обратили на нее никакого внимания, просто брат назвал сумму, а лэрд заявил, что возместит издержки.

Джоанна наконец сообразила, о чем речь, и повернулась к брату:

– Не хочешь ли ты сказать, что Джон заставил тебя уплатить пеню? За что, Николас?

– За то, что не он выбрал тебе мужа, а я. Он же лишь согласился со мной... за деньги.

– А если бы меня устроил его выбор?

– Уильямс?

Она кивнула.

– Тогда, конечно, пени бы не было.

– Так ты мне солгал, когда сказал, что у тебя нет денег на уплату налога Джону. Я могла бы еще год оставаться свободной.

Николас вздохнул и признался:

– Да, солгал. Ты пыталась избежать неизбежного, а я заботился о твоей жизни. Проклятье! Ведь ты жила в Лондоне узницей. У меня не было уверенности в твоей безопасности, и я боялся, что Джон отдаст маклоринскую землю кому-нибудь еще.

Она понимала, что брат прав, и знала, что он любит ее и заботится о ней.

– Я прощаю тебе этот обман, Николас.

– Уезжайте, барон. Сейчас же. И не возвращайтесь. Вы свой долг выполнили. Теперь я несу ответственность за эту женщину.

Джоанна была потрясена грубостью мужа, и у нее вырвалось:

– Сейчас же? Вы хотите, чтобы он уехал прямо сейчас?

– Именно, – отрезал тот.

– Мой брат...

– Он вам не брат.

Она была так оскорблена, что чуть было не закричала, однако он, не обращая на нее никакого внимания, в упор смотрел на Николаса.

– Я должен был это понять сразу. Вы с Джоанной не похожи на брата и сестру. А когда она назвала священнику свое полное имя, я понял, что вы никакая не родня. Ваши чувства к ней...

Николас не дал ему закончить:

– Вы чрезвычайно проникательны, но Джоанну не должны касаться никакие подозрения, милорд. Немедленно прекратите это.

– Милорд...

– Оставь нас, Джоанна. Этот разговор не для твоих ушей.

Его тон не допускал возражений. Она принялась обрывать лепестки цветов из свежего букета, глядя на мужчин, угрюмо уставившихся друг на друга, и никак не могла решить, уйти ей или остаться. Отец Маккечни слышал, однако, достаточно, чтобы сообразить, что в воздухе запахло ссорой, схватил Джоанну за руку и заговорил с преувеличенным воодушевлением:

– Вы обидите здешних женщин, если не попробуете хотя бы несколько особых блюд. Пойдемте. Они очень расстроятся, если не услышат хотя бы крошечную похвалу от своей новой госпожи. Вы помните, как сказать «спасибо» по-гэльски?

И священник утащил Джоанну подальше от рассвирепевших мужчин. Оглядываясь на них, она пыталась понять, что же происходит. Супруг все время что-то говорил. Николас, заметив, что она наблюдает за ним, сказал об этом Макбейну, тот кивнул, и они оба пошли прочь и скоро исчезли из вида.

Когда солнце уже стало клониться к западу, она увидела, как они поднимаются на холм, и испустила громкий вздох облегчения. Оранжевые полосы от заходящего солнца расцвечивали небо за их спинами. Их силуэты, черные на этом ярком фоне, казались какими-то мистическими существами, словно они поднимались из-под земли подобно могущественным, непобедимым божественным воинам, легким и грациозным.

Да, это были два самых лучших воина из всех, что она когда-либо видела. Архангел Габриель наверняка улыбнулся бы, глядя на эту пару.

Джоанна улыбнулась своим мыслям, но когда они подошли ближе и она увидела их лица, то едва не задохнулась от ужаса. У Николаса был разбит нос, правый глаз заплыл. Не в лучшем виде был и Макбейн: кровь сочилась из глубоких ссадин на лбу и в углу рта.

Кто-то закричал при их появлении, а ей захотелось броситься к Николасу, посмотреть, тяжелы ли раны, но только она подобрала подол платья и кинулась бежать, как поняла, что сначала должна подойти к Габриелю: ведь он ее муж, и о нем она должна думать прежде всего. И может, она сумеет сделать так, что он сменит гнев на милость и позволит брату остаться еще на несколько дней.

– Вы дрались!

Она выкрикнула это обвинение, добежав до мужа. Черт возьми, разумеется, они дрались. Его не слишком заботило недовольство, прозвучавшее в ее голосе.

Джоанна вытащила из рукава платья льняной платок и, встав на цыпочки, промокнула кровь у него на лбу, увидела, что рана достаточно глубокая, и мягко отвела назад волосы, мешавшие ей, но он смахнул их обратно. Он не привык, чтобы кто-то беспокоился о нем, и не знал, как к этому отнестись.

– Стойте спокойно, милорд! Я не собираюсь делать ничего лишнего.

Макбейн послушно замер и позволил жене хлопотать над ним. Проклятье, но ему это понравилось. И не только ее забота, а то, что она подошла сначала к нему.

– Так вы разобрались со своими разногласиями? – поинтересовалась Джоанна.

– Думаю, да, – угрюмо ответил Макбейн.

Она перевела взгляд на брата:

– А ты, Николас?

– Да, – буркнул тот.

Она опять повернулась к Макбейну:

– Зачем вы задеваете Николаса? Он мне больше, чем брат. Мои родители взяли его в возрасте восьми лет, а я называла его братом с того самого момента, как научилась говорить. Вы должны принести ему извинения, милорд.

Макбейн не обратил на ее слова никакого внимания и, отбросив ее руку подальше от своего лица, повернулся к Николасу:

– А теперь попрощайтесь с ней! Вы никогда больше ее не увидите.

– Нет! – выкрикнула Джоанна, вырвалась из рук мужа и кинулась в объятия брата. – Ты сказал мне неправду: никакой он не добрый. Он черствый и жестокий. Даже представить не могу, что больше никогда не увижу тебя. Я не вынесу этого. Я люблю тебя. Ты оберегал меня, как никто. Ты веришь в меня. Николас, пожалуйста, заberi меня домой. Я не хочу здесь оставаться.

– Вздор, Джоанна. Все будет хорошо. У Макбейна есть веская причина отправить нас поскорее обратно. Учись доверять мужу.

Николас говорил с сестрой, но не отрывал взгляда от Макбейна.

– Но почему он против твоих визитов сюда?

Николас покачал головой, и она поняла, что он не скажет.

– Что передать от тебя матушке? Я увижу ее в следующем месяце.

– Я поеду вместе с тобой!

Улыбка брата была исполнена нежности, но голос оставался тверд:

– Но ты замужем, Джоанна. Здесь твой дом. Твой долг – оставаться с мужем.

Поскольку она никак не могла оторваться от брата, тот поцеловал ее в лоб, осторожно разжал руки и слегка подтолкнул ее к мужу.

– Не обижайте ее, Макбейн, или, клянусь всеми святыми, я вернусь и убью вас.

– Мы с вами пришли к пониманию. Я привык держать слово, барон, – отозвался Макбейн.

– Так же как и я, милорд.

Мужчины кивнули друг другу. Джоанна смотрела на брата, и по лицу ее текли слезы. Его конь был уже оседлан и готов отправиться в путь. Николас вскочил на него и, ни разу не обернувшись, галопом поскакал вниз.

Когда он исчез из виду, Джоанна огляделась. Она стояла одна на пронизывающем ветру, такая же опустошенная и одинокая, как и местность вокруг, и пока солнце не исчезло за горизонтом, не тронулась с места.

Потом, замерзшая, потирая ледяные руки, она медленно направилась обратно во двор, по дороге не встретив ни одного шотландца, или так ей казалось. Потом она вдруг увидела мужа: тот стоял, прислонившись к дверям башни, и наблюдал за ней.

Джоанна отерла слезы, распрямила плечи и поспешила вперед. Торопливо взбираясь по ступенькам, она мечтала лишь об одном, хотя, возможно, это выглядело по-детски: без обиняков, прямо высказать ему, как он ей противен.

Только сделать это ей не удалось. Как только она приблизилась, Макбейн обхватил ее могучими руками и крепко прижал к себе, стараясь утешить, и это ее смутило. Он был единственной причиной ее огорчения и вот теперь старался утешить. Этот длинный трудный день слишком ее измотал, и, конечно, только поэтому она не попыталась вырваться из его объятий. С ним так тепло, а ей необходимо согреться, так сказала она себе, но как только это произойдет, она все ему выскажет.

Несколько минут Габриель держал ее в крепких объятиях, терпеливо поджидая, пока к ней вернется самообладание.

Наконец она оторвалась от него:

– Из-за вашего отношения к моему брату я очень несчастна, милорд.

Она надеялась, что он извинится, но прошло несколько минут, и поняла, что зря: извинений не будет.

– Не будете ли вы так любезны проводить меня к моему жилищу? Я очень хочу спать, а отыскать его в такой темноте сама не смогу.

– Домик, в котором вы провели прошлую ночь, принадлежит одному из моих воинов, вам там ночевать больше не придется.

– И где же я буду ночевать?

– В башне. Над лестницей сохранились две комнаты. Маклоринцы сумели остановить огонь до того, как он добрался до нижних ступенек.

Он широко распахнул дверь и жестом пригласил ее войти, но она даже не шелохнулась:

– Могу ли я спросить вас кое о чем, милорд? – Дождавшись его утвердительного кивка, она продолжила: – Почему вы так поспешно отправили отсюда моего брата и запретили сюда возвращаться?

– В свое время вы сами все поймете, но если этого не случится, я буду рад объяснить.

– Благодарю вас.

– Я умею быть любезным, Джоанна.

Она не фыркнула только оттого, что леди это не подобало, однако по выражению ее глаз он понял, что она не верит его заявлению.

– Я избавил вашего брата от тяжелого бремени, жена.

– Это я была тяжким бременем?

Габриель покачал головой:

– Нет, не вы.

У подножия лестницы стояла женщина, которая вручила ей свежий букет после венчания.

– Джоанна, это...

– Лила, – подхватила она, не дав мужу закончить. – Еще раз благодарю вас за прекрасные цветы. Вы были чрезвычайно внимательны.

– Миледи очень добра, – раздался нежный музыкальный голос.

Приятная улыбка озарила лицо огненно-рыжей женщины, и Джоанна поняла, что они с ней почти ровесницы.

– Вам, верно, было непросто оставить семью и друзей и приехать в такую даль? – спросила Лила.

– У меня нет близких друзей, – покачала головой Джоанна.

– Значит, вы не жалеете о своих прежних слугах? Наш лэрд разрешил бы вам взять с собой горничную.

Джоанна почти не знала своих прежних слуг: Рольф менял их каждый месяц. Сначала она полагала, что он просто чрезвычайно требователен, но потом смекнула, в чем дело: опасался, что она кому-то доверится. Она должна была полагаться только на него. После смерти мужа ее, не спросив, увезли в Лондон, и там она жила на положении узницы при дворе короля Джона, поэтому ни к кому не могла проникнуться ни симпатией, ни доверием.

– Я не позволил бы приехать сюда ни одной англичанке, – ответил за жену Макбейн, пока та колебалась.

– А они были рады остаться в Англии, – съехидничала Джоанна.

Лила кивнула и жестом предложила подняться по лестнице следом за ней, тихо спросив:

– Так вы думаете, что будете счастливы здесь?

– О да! – сказала Джоанна, моля Бога, чтобы оказалась права. – Здесь я буду в безопасности.

Макбейн нахмурился. Он стоял внизу у лестницы, наблюдая за женой. Джоанна даже не догадывалась, как много эти слова сказали ему о ее прошлом.

Но Лила не была столь же проницательна, как лэрд, поэтому уточнила с усмешкой:

– Но я спросила не о безопасности: разумеется, наш лэрд защитит вас, – надеетесь ли вы быть здесь счастливой?

Джоанна предпочла оставить ее вопрос без ответа, поскольку не хотела, чтобы девушка знала о ее сомнениях. Остановившись, она взглянула на мужа:

– Доброй ночи, милорд.

– Доброй ночи, Джоанна.

Лестничная площадка была частично завалена деревянными решетками, так что никто не смог бы пробраться в большой зал или в переднюю, расположенные под ними. По противоположной стороне шел узкий коридор, который освещали свечи в настенных бронзовых канделябрах. Лила по дороге познакомила Джоанну с расположением помещений в башне и предложила задавать любые вопросы. В первой комнате, где была приготовлена ванна для Джоанны, их ожидала другая женщина, с темно-каштановыми волосами и с орехового цвета глазами. Улыбнувшись, она сказала, что ее зовут Меган.

Непринужденность и внимание обеих женщин помогли Джоанне расслабиться, а после ванны, оказавшейся замечательной, она и вовсе воспряла духом.

– Это наш лэрд приказал приготовить ванну, – пояснила Меган. – Раз уж макбейнцы предоставили вам ночлег прошлой ночью, то теперь черед маклоринцев сделать что-нибудь для вас.

– И это справедливо, – добавила Лила.

Прежде чем Джоанна успела спросить, что они обе имеют в виду, Меган переменяла тему разговора.

– Вы были сегодня великолепны, миледи. А вышивка на платье выше всяческих похвал. Ваша горничная прямо мастерица.

– Конечно, если миледи не занималась этим сама, – возразила Лила.

– Нет, но я сшила платье сама, – сказала Джоанна.

Все время, пока она принимала ванну, девушки болтали без умолку. Наконец Джоанна пожелала им обоим доброй ночи и перешла во вторую комнату, где было тепло и уютно. У наружной стены располагался очаг, а возле противоположной стены стояла огромная кровать, застеленная макбейновским пледом. Окно выходило на нижний луг, но толстая меховая занавесь не позволяла проникать сюда ветрам.

Джоанна совершенно терялась в громадной кровати. Под этим одеялом могли бы расположиться не меньше четырех человек, причем не касаясь друг друга. Она никак не могла согреть ноги и уже хотела было вылезти из кровати на поисках шерстяных носков, но передумала: слишком хлопотно, – а вот заплести волосы в косы, пожалуй, стоит, иначе утром их не расчешешь. Но и на это не хватило сил: слишком устала, – поэтому, наспех пробормотав молитву, она закрыла глаза и приготовилась уснуть.

Джоанна уже погрузилась в полудрему, когда отворилась дверь, но стоило почувствовать, как под чьей-то тяжестью осела кровать, сон пропал. Медленно открыв глаза, она увидела, конечно же, супруга, который снимал башмаки.

– Что вы делаете, милорд? – спросила она, стараясь не выдать волнения.

– Собираюсь лечь спать, что же еще?

Она закрыла глаза и вроде бы опять погрузилась в сон, а он продолжал сидеть, глядя на нее. Джоанна лежала на боку, лицом к нему. Волосы, золотые, как солнечное сияние, укутывали ее плечи словно покрывалом. Она показалась ему прелестной и такой невинной и хруп-

кой. Она оказалась много моложе, чем он ожидал, и после того, как они с Николасом разрешили свой спор и барон согласился подчиниться всем его распоряжениям, он попросил его назвать возраст сестры. Николас не смог вспомнить точную дату ее рождения, но заметил, что она была еще почти ребенком, когда ее родители получили приказ от короля Джона выдать ее за его любимца барона.

Внезапно Джоанна села на кровати:

– Здесь? Вы собираетесь спать здесь, милорд?

Его удивил не столько сам вопрос, сколько паника, которая в нем прозвучала, да и выглядела она совершенно ошеломленной. Габриель встал, развязал кожаные ремешки, которыми зашнуровывался его плед, и бросил на ближайший стул.

Когда он предстал перед нею совершенно обнаженным, она зажмурилась, и только его имя тихо прозвучало из ее уст.

Но прежде чем закрыть глаза, она успела охватить взглядом всю его фигуру сзади и струсила. Покрытый бронзовым загаром от шеи до лодыжек, он был совершенно огромным. И как такое возможно? Он что, прогуливался под солнцем в чем мать родила?

Джоанна не собиралась это выяснять. Едва почувствовав, что одеяла отброшены, а кровать опять осела, она поднялась на колени и повернула к нему лицо. Он лежал на спине и даже не думал прикрыться. Вспыхнув от смущения, она схватила одеяло и набросила на мужа.

– Вас обманули, милорд! – вырвалось у нее едва ли не со стоном.

Габриель не мог понять, что это на нее накатило. Откуда этот ужас? Ее глаза наполнились слезами, и если бы она сию минуту захлебнулась в рыданиях, его бы это не удивило.

– Каким образом? – подчеркнуто тихо и спокойно заговорил Габриель, заложив руки за голову.

Он не торопил ее, ждал ответа так терпеливо, словно впереди у него целая вечность. Это помогло и ей успокоиться, и, глубоко вздохнув, она объяснила:

– Брат не сказал вам всего, хотя мне говорил, что объяснил... О господи, как мне жаль! Я была уверена, что вы осведомлены... Когда я узнала, что у вас есть сын, то решила, что вам уже все известно обо мне и теперь это не имеет значения. Ведь у вас уже есть наследник. Вы...

Габриель потянулся, коснулся ладонью ее лица и, почувствовав слезы, успокаивающе проговорил:

– Ваш брат – честный человек.

Она кивнула. Он отвел руку от ее губ и мягко потянул ее обратно на постель.

– Конечно, честный, – пробормотала сквозь слезы Джоанна и прижалась щекой к его плечу.

– Николас не стал бы меня обманывать.

Казалось, она была озадачена, и прошла еще целая минута, прежде чем заговорила о том, что так ее встревожило.

– Возможно, он забыл вам сказать...

– О чем же?

– Я не могу иметь детей.

Он ждал продолжения, но убедившись, что больше она не прибавит ни слова, уточнил:

– И что же?

Она затаила дыхание, ожидая, что он разгневается, однако это, казалось, никак его не задело.

Джоанна решила, что он ее не понял, и пояснила:

– Я бесплодна. Николас должен был сказать вам об этом. Если вы теперь потребуете развода, милорд, я уверена, что отец Маккечни приглядит за отправкой вашей петиции.

– Николас сказал мне об этом.

Она опять села в кровати, совершенно пораженная.

– Сказал? Тогда зачем вы здесь?

– Я ваш муж, и это наша первая брачная ночь. Супруги обыкновенно делят постель.

– Вы хотите сказать, что намерены спать сегодня здесь?

– Именно так, черт возьми! И не только сегодня, но все другие ночи тоже.

– Но зачем? Если о наследниках речь не идет...

Он опять притянул ее на кровать рядом с собой, перевернулся на бок и прижался к ней, мягко смахнув волосы с лица. Его прикосновение было таким нежным, что она успокоилась.

– Тогда давайте спать, милорд?

– Нет.

– Так вы желаете...

– Да! – раздраженно рявкнул Габриель, почувствовав, как в ней опять пробуждается ужас.

– Зачем?

Она, похоже, и впрямь не понимала. Ему удалось унять свою гордость, но неудовольствия скрыть он не смог.

– Джоанна, разве вы не были замужем три года?

Она старалась не смотреть на него, хотя это было трудно. Он и впрямь был очень привлекателен, и хотя она и старалась не выдать себя, сердце ее учащенно билось от его близости и запаха, исходившего от чистого тела. Судя по тому, что волосы его были еще влажными, прежде чем прийти к ней, Габриель принял ванну.

Джоанна не хотела думать, как это приятно, но никак не могла совладать со своими своеобразными мыслями.

– Может, вы все-таки ответите, пока не наступило утро?

– Да, была.

– Тогда почему вы спрашиваете, зачем я здесь?

Его недоумение не произвело на нее никакого впечатления.

– Ведь если я не могу родить ребенка, то с какой целью со мной спать?

– Разве нет других причин разделить с вами ложе?

– Что же это за причины? – удивилась Джоанна.

– Разве вы никогда не испытывали удовольствие от выполнения супружеских обязанностей?

– Об удовольствии я ничего не знаю, милорд, зато разочарования мне очень хорошо известны.

– Так вы полагаете, что я буду разочарован, или говорите о себе?

– Мы оба будем разочарованы, а затем вы станете сердиться, так что лучше, милорд, если вы оставите меня.

Она говорила с такой убежденностью, будто хорошо знала все и вся, и ему не нужно было спрашивать, где она почерпнула свои сведения. Не приходилось сомневаться, что ее муж обходился с ней дурно, поэтому она и была так невинна и уязвима. Какая жалость, что Рольф мертв, иначе он с удовольствием убил бы его.

Однако прошлого не изменить, и все, что мог сделать Габриель, это хорошо подумать об их настоящем и будущем. Он склонился над ней и нежно коснулся губами лба. Она не вздрогнула и не попыталась отвернуться, и это его порадовало.

– Тогда сегодня впервые вы...

Он собирался ей сказать, что сегодня она впервые почувствует, что супружеские отношения могут быть весьма и весьма приятными, но Джоанна опередила его:

– Я не девственница, милорд. Рольф приходил ко мне на ложе часто в первый год нашего брака.

Это заявление возбудило его любопытство. Он опять наклонился и взглянул на нее:

– В первый год? А после?

– Он стал ходить к другим женщинам, потому что слишком разочаровался во мне. Может, и вам пойти к какой-нибудь женщине?

Она говорила с таким жаром, что он не знал, оскорбиться или посмеяться. Большинство жен ни с кем не хотели бы делить своих мужей, но Джоанна, казалось, и правда была готова убежать из дома и отыскать ему любовницу.

– Мне не нужны другие женщины. Я хочу вас, – сказал он твердо.

Она вздохнула:

– Что ж, это ваше право.

Габриель откинул было одеяло, но она вернула его на место и попросила:

– Пожалуйста, еще минуту. Прежде чем вы начнете, мне хотелось бы задать вам один важный вопрос.

Она перевела взгляд на его подбородок, чтобы он не увидел, как она боится, ожидая его ответа.

– Спрашивайте.

– Скажите, что вы предпримете, если разочаруетесь во мне? – Она осмелилась на секунду взглянуть ему в глаза, затем поспешно добавила: – Я хотела бы быть готова к этому.

– Я не разочаруюсь.

– Но если все-таки?

Он призвал на помощь все свое терпение и процедил:

– Тогда мне некого будет винить, кроме себя самого.

Целую минуту она смотрела на него, прежде чем выпустить одеяло, в которое вцепилась мертвой хваткой. А потом ее поведение и вовсе повергло его в шок: она со-единила руки на животе и закрыла глаза со смирением приговоренной к смерти.

Габриель с трудом сдерживал раздражение, но собирался добиться своего.

А Джоанна вовсе не паниковала: просто помнила боль, причиняемую супружеской близостью, но не считала ее какой-то ужасной. Ничего, она потерпит, не впервой.

– Все в порядке, милорд. Я готова.

Господи, да у нее просто талант доводить до белого каления!

– Нет, Джоанна, – возразил он низким голосом и развязал ленту ее сорочки. – Вы еще не готовы, но вскоре будете. Я сделаю все, чтобы заставить вас желать меня, и не возьму до тех пор, пока вы сами того не захотите.

Она никак внешне не отреагировала на это обещание и выглядела так, словно лежала в гробу. Недостает только цветка, зажатого между холодными пальцами, мелькнуло у него. А то бы он знал наверняка, что она мертва и вот-вот будет опущена в землю.

Подумав, он решил изменить тактику. Сейчас его юная жена пугающе бледна и напряжена словно тетива лука, настороже, потому что опасается его. И он понимал почему, хотя, возможно, она сама этого и не понимала. Он подождет, пока она немного успокоится, а затем начнет свою нежную атаку. Стратегия была несложна. Он попросту собирался сокрушить ее. К счастью, она и не заподозрит, что с ней происходит, а потом уже будет слишком поздно: ее щит окажется поверженным. А когда разгорится страсть, для страхов уже не будет места.

Он понял, что его молодая жена нежна и деликатна, а выражение ее лица, когда она говорила с его сыном, показало, что она очень добра и заботлива, но вот была ли она страстной, он не знал, и решил это выяснить, прежде чем кто-либо из них покинет эту постель.

Макбейн наклонился к ней, опять поцеловал в лоб, затем лег на спину и закрыл глаза.

Прошла целая минута, прежде чем она уяснила, что он и впрямь вознамерился уснуть, повернулась и спросила:

– Я уже разочаровала вас, милорд?

– Нет.

Больше он не добавил ни слова. Она не понимала, каковы его намерения, поэтому встревожилась и спросила:

- А что же тогда делать мне?
- Снимите рубашку.
- А потом?
- Постарайтесь уснуть. Сегодня ночью я вас не трону.

Его глаза были закрыты, и он не мог видеть, как изменилось выражение ее лица, однако услышал вздох облегчения. Это, конечно, не доставило ему удовольствия, но впереди еще долгая-долгая ночь.

А Джоанна никак не могла сообразить, что он задумал. Если он не собирается сегодня трогать ее, то зачем велел снять рубашку? Спорить с ним не хотелось, особенно теперь, после того как Габриель сделал ей такой замечательный подарок.

Поскольку глаза его были закрыты, она, не заботясь о скромности, вскочила с постели, стянула ночную сорочку, аккуратно свернула, а затем, обойдя кровать, положила на ближайший стул. Увидев валявшийся на полу плед, она подняла, тоже сложила и повесила на тот же стул.

Воздух в комнате стал холоднее, голые ноги совершенно замерзли, и она поспешила под одеяло, пока не превратилась в ледышку.

Тепло тела мужа неудержимо влекло ее прижаться к нему, и, чтобы случайно не прикоснуться, она легла к нему спиной.

Прошло немало времени, прежде чем Джоанна наконец-то расслабилась. Жар его тела согревал ей спину, и это было удивительно приятно. Она придвинулась к нему чуть-чуть, слегка прикоснувшись бедрами, а спустя несколько минут уснула.

Габриель решил, что достигнет высокого положения на небесах, невзирая на множество прежних смертных грехов, и все из-за той сдержанности, которую проявил сегодняшней ночью по отношению к своей жене. Искушение было таким сильным, что его прошиб холодный пот. Сидение на горячих углях было бы не столь мучительным, как это ожидание. Он полагал, что может вынести любую физическую боль, но лежать вот так подле нее было сплошным дьявольским соблазном. К тому же она сама вела себя не лучшим образом, прижимаясь задом к его паху. Это была самая сладостная пытка из всех, какие он когда-либо испытывал, и он до боли сжимал зубы, чтобы не поддаться соблазну.

Огонь в очаге едва теплился, и время успело перевалить за полночь, когда он решил, что выждал вполне достаточный срок, положил руку ей на талию и склонился, прижавшись губами к шее. Джоанна вздрогнула и проснулась, оцепенела на минуту-другую, а потом положила ладонь поверх его руки, покоившейся чуть ниже груди, и попыталась убрать, но он не позволил. Она еще не вполне проснулась, и влажные поцелуи, которыми он осыпал ее шею, заставляли ее дрожать, но уже не от холода, а от жара. Это было слишком приятно, чтобы тревожиться, но она все же переплела его пальцы своими и удержала руку.

Габриель понял, каков ее план, но это его не остановило. Он ласкал губами и языком мочки и извилины ее ушей, мягко высвобождая тем временем свою руку из ее ладони и медленно подбираясь пальцами снизу к ее полной упругой груди.

Странно, но его прикосновения были ей приятны. Она хотела отодвинуться от него, но вместо этого еще теснее прижалась, а когда почувствовала жесткое прикосновение мужской плоти, ее охватила паническая дрожь. Джоанна повернулась к нему, намереваясь потребовать, чтобы сдержал свое слово. Ведь он обещал, что не тронет ее нынешней ночью! Наверное, просто забыл...

- Вы же обещали, что не тронете меня сегодня.
- Он поцеловал ее в лоб:
- Я помню.

– Тогда...

Он поцеловал ее в переносицу, и Джоанна почувствовала, что она вся совершенно окутана исходящим от него жаром. Он приковал ее к ложу своим телом, покрывал практически всю с головы до ног. Его тяжелые бедра покоились на ее бедрах, а мужская плоть прижалась к мягким завиткам, защищавшим сердцевину ее женственности. Ощущая его тяжесть на себе, она чувствовала страх, но и... удовольствие.

– Габриель...

Он погрузил пальцы ей в волосы и обхватил ладонями щеки, нагнулся так, что лицо оказалось совсем рядом, и, неотрывно глядя на губы, прошептал:

– Уже наступил новый день, так что я сдержал свое слово.

Он не дал ей времени для протеста или паники, зажав рот поцелуем. Его губы, жесткие и горячие, оказались невероятно нежными, и, словно для того, чтобы не дать ей привести ни одного из аргументов, язык проскользнул внутрь.

Габриелю хотелось заставить ее забыть все страхи. Не важно, что он так пылко желает ее: он знал, что никогда не станет ни к чему ее принуждать. Если Джоанна не сможет избавиться от своих опасений этой ночью, он попытается еще раз завтра... и послезавтра... и послепослезавтра. Будет ждать сколько потребуется. Придет время, и она научится доверять ему, а затем благополучно избавится от своей зажатости и стыдливости.

Его поцелуй уже не был нежным, она не сопротивлялась ему и отвечала с почти такой же страстностью. Низкий стон наслаждения вырвался из его груди, когда ее язык робко прикоснулся к его языку.

Это страстное одобрение сделало ее чуть смелее. Она была настолько поглощена собственной реакцией на эту возбуждающую любовную игру, что едва ли могла о чем-то думать. Она беспрестанно терлась о него бедрами, порой забывая, что нужно дышать.

Она быстро вошла во вкус, да так хорошо, как он только мог пожелать. Его губы прижимались к ней снова и снова, он проводил языком по ее губам, медленно проникая, а затем отступая, заставляя ее отзываться на его поддразнивание. Он хотел совершенно поглотить ее, и у него это получилось: по телу ее пробежала дрожь от желания, а когда его руки скользили по груди и большие пальцы касались чувствительных сосков, она стонала от наслаждения. Она не могла удержаться и извивалась в его руках, инстинктивно требуя продлить эту сладостную пытку.

Но он хотел, чтобы она захотела воспользоваться наконец руками, которые сейчас лежали вдоль тела, сжатые в кулаки. Он оторвался от ее губ и попросил обнять его, но она не послушалась. Он поднял голову, взглянул на нее и улыбнулся с чисто мужским удовлетворением. Джоанна выглядела совершенно ошеломленной происходящим с ней, в глазах ее пылала страсть. Он опять наклонился и завладел ее губами, раздвигая их и касаясь языком ее языка, чтобы дать понять, насколько доволен ею, а затем сам взял ее руки и положил на свой затылок, приказав хриплым шепотом:

– Держитесь за меня. Прижмитесь ко мне теснее.

Габриель медленно целовал ее, спускаясь все ниже и ниже, обхватил руками ее груди, затем наклонился и взял в рот сосок. Ее ногти тут же впились ему в плечи, и он заворчал от животного наслаждения.

Габриель ни на минуту не терял контроля за их любовной игрой, но когда его рука скользнула вниз по ее ровному, гладкому и шелковистому животу, а затем спустилась еще ниже, чтобы коснуться самого сокровенного, когда начал ласкать самый источник ее жара, потерял самообладание. Лоно, скрытое под мягкими завитками, было влажным и невероятно горячим. Большим пальцем он тер чувствительный бугорок, тогда как другие медленно один за другим проникали внутрь.

Сила неведомого наслаждения, к которому он принудил ее, была слишком пугающей, чтобы можно было понять или проконтролировать себя, она закричала, попыталась оттолкнуть его руку, в то время как ее тело само нетерпеливо придвигалось к нему.

Господи, она не могла себя понять.

– Габриель, что со мной происходит?

Ее ногти вонзались ему в плечо и голова металась по подушке, она стонала и кричала от все более откровенных ласок. Тогда он изменил положение и, успокоив ее новым поцелуем, прошептал он прерывающимся голосом:

– Все хорошо. Вам нравится это, не так ли?

Времени для ответа он ей не дал. Его губы опять завладели ее ртом, а язык проник внутрь как раз в тот момент, когда пальцы глубоко погрузились в тесно сжатое лоно.

Это погубило Джоанну. Страсть, какой она никогда прежде не знала, загорелась где-то в глубине ее живота и, словно огонь, растеклась оттуда по всему телу. Она уцепилась за мужа, своими медленными движениями побуждая его довершить это всепоглощающее блаженство, но Габриель еще сдерживался: боролся с бешеным желанием и продолжал ласкать ее губами и пальцами. Когда она внезапно прижалась к нему, дыхание ее со свистом вырвалось из груди, он понял, что она близка к тому, чтобы полностью освободиться от всего, что ее сковывало. Он тут же снова переменял положение так, что его напряженная плоть оказалась прижатой к ее раскрывшемуся лону. Он приподнялся на локтях, взял ее за подбородок и потребовал посмотреть ему в глаза.

– Назовите меня по имени, Джоанна.

Его голос прозвучал резко и хрипло.

– Габриель...

– Нет, я же просил не называть меня так!

Он поцеловал ее быстро и отрывисто, а оторвавшись от губ, заглянул сверху вниз в ее глаза и потребовал:

– Ныне и навсегда! Повторите эти слова, жена.

Каждый нерв ее тела жаждал освобождения, а он сжимал ее плечи, ожидая ее признания.

– Ныне и навсегда... Габриель.

Его голова упала ей на плечо. Спорить не было времени, и одним мощным движением он полностью вошел в нее, признавая поражение. Великий боже, какая она тугая и чертовски горячая!

Габриель... да бог с ним, пусть будет Габриель! Он надолго замер, давая возможность приспособиться к его вторжению, потом начал медленно двигаться. Он то почти выходил из нее, то опять заполнял до краев. Непроизвольно она подняла колени, чтобы он смог войти еще глубже. Она окружала его, вбирая в себя, и он застонал от чисто животного наслаждения. Это была утонченная агония. В его руках она стала неистовой: цеплялась за плечи, двигала бедрами навстречу, выгибалась под ним. Ее бедра тесно прижались к его бедрам, а стоны, тихие и невероятно сладострастные, делали неистовым и его. Никогда раньше он не испытывал такой страсти. Она совершенно не сдерживалась. Ее полная капитуляция ускорила и его собственную. Он не хотел, чтобы это кончилось так быстро, поэтому замедлил движения, то отрываясь от нее, то погружаясь снова.

Теперь Габриель не думал ни о чем другом, кроме того, как наполнить ее собой и дать ей обрести себя. Его дыхание было тяжелым и прерывистым, и, когда по содроганию тела он понял, что она дошла до высшей точки наслаждения, и услышал, как она выкрикнула его имя, страхась и удивляясь одновременно, не смог сдерживаться долее. С громким сладострастным стоном сделал мощный толчок и излился в нее горячей струей.

Джоанне казалось, что тело ее раскололось на мелкие частички, чудилось, что она умирает. Никогда даже в самых буйных фантазиях она не могла вообразить, что возможно нечто подобное. Это было самым разрушительным и чудесным испытанием.

Она действительно позволила себе целиком и полностью отдаться Габриелю, и вознаграждение, благодарение Господу, оказалось изумительным. Муж тесно прижал ее к себе и сохранил невредимой среди бешеного шторма. Слезы просились наружу, но Джоанна была слишком опустошена, чтобы плакать. Габриель залпом осушил всю ее силу, но тоже изнемог: она сумела забрать его мощь. Его руки не выпускали ее из объятий, и ей было так тепло от его заботы.

Запах их любовных игр наполнил все пространство, сердца отстукивали неистовые удары, дыхание было прерывистым, тела блестели от пота.

Габриель оправился первым.

– Джоанна? – Он приподнялся, глядя на нее с беспокойством. – Надеюсь я...

Ее счастливый смех позволил не продолжать, и он не смог удержаться от ответной улыбки.

Эта женщина оказалась загадкой.

– Как вы можете смеяться и плакать одновременно?

– Я не плачу.

Он провел кончиками пальцев по ее щеке, стирая влагу:

– Но это же слезы...

– Да, но слезы счастья. Я даже не предполагала, что между мужчиной и женщиной возможно такое. Это прекрасно.

Он кивнул, явно довольный.

– А вы хотели найти мне любовницу.

– Ну уж нет! После сегодняшней ночи я никому даже взглянуть на вас не позволю. Вы заставили меня...

Она не могла подобрать нужного слова для описания своих ощущений, и он был счастлив помочь ей в этом.

– Пылать?

Она кивнула.

– Я не знала, что мужчине может доставлять удовольствие целовать и ласкать женщину перед совокуплением.

Он нагнулся, поцеловал ее в губы, затем перевернулся на спину.

– Это очень приятно и позволяет подготовиться к основному действию.

– Это восхитительно, – прошептала она со вздохом.

Не к месту вспомнилось, как это было с Рольфом: он быстро сдергивал с нее одеяло, коленями раздвигал ноги и быстро совершал несколько судорожных движений. Излив в нее липкую жижу, он тут же уходил к себе в спальню.

Джоанна натянула одеяло и закрыла глаза, пытаясь прогнать непрошеные мысли. Теперь у нее другой супруг, но значит ли это, что кто-то из них должен уйти? Габриель, похоже, никуда не собирался, и она решила, что уйти придется ей. А как не хотелось. И, о боже, ей хотелось, чтобы он опять любил ее.

Мысль, что ей будет приказано уйти, уязвляла ее гордость. Лучше не оставлять ему шансов.

Габриель же был смущен другими заботами. Его хитроумный замысел овладеть юной женой, усыпив ее подозрения, обернулся против него самого. Дьявол! Ведь это она овладела им. Он никогда до такой степени не забывался ни с одной женщиной, никогда, и теперь чувствовал себя уязвленным и спрашивал, что бы она сделала, если бы узнала, какую власть приобрела над ним.

Джоанна отодвинулась на край постели, добралась до своей рубашки и, повернувшись спиной к мужу, натянула ее. Ее ботинки, как она помнила, стояли возле двери.

И все же она медлила, не в силах понять самое себя: теперь она почему-то чувствовала себя несчастной и одинокой, ей хотелось плакать. Их любовная игра была чудесной, но теперь ее охватили новые сомнения. Она знала, что не заснет сегодня, и подумала, что к тому моменту, когда засияет утренний свет, доведет себя до полного изнеможения.

Габриель, казалось, уже погрузился в сон. Она как можно осторожнее добралась до двери, но только прикоснулась к щеколде, как он остановил ее:

– Куда это вы собрались?

Она повернулась:

– В другую комнату, милорд. Ведь вы ее предназначили мне в качестве спальни?

– Вернитесь, Джоанна.

Она медленно подошла к краю постели:

– Я не хотела разбудить вас.

– Я не спал.

Он прикоснулся к подолу ее рубашки, а в голосе его звучало только легкое любопытство, когда он спросил:

– Почему вам хочется спать одной?

– Мне вовсе не хочется! – вырвалось у нее.

Он дернул рубашку за рукава, и та упала на пол. Джоанна вздрогнула от холода, и это позабавило его. Он-то думал, что в комнате чертовски жарко. Откинув одеяло, он просто ждал, когда она опять заберется в постель.

Она не стала медлить и быстренько забралась на свое место. Габриель обхватил ее руками и крепко прижал к себе, потом натянул одеяло, громко зевнул и сказал:

– Мы будем спать вместе каждую ночь. Понимаете, Джоанна?

Она кивнула, ткнувшись при этом головой в его подбородок.

– У вас так принято – чтобы мужья всегда спали вместе с женами?

Он ответил уклончиво:

– Неважно. У нас с вами будет так.

– Хорошо, милорд.

Ее согласие, произнесенное быстрым шепотом, понравилось ему. Он теснее прижал жену к себе и закрыл глаза.

– Габриель?

Он что-то промычал в ответ.

– Вы не пожалели, что женились на мне?

Ну зачем она задала этот вопрос? Теперь ему известно, насколько уязвимой она себя чувствует и в какой ужасной неопределенности пребывает.

– Нисколько. Ведь земля принадлежит мне, чему я очень рад.

Его честность граничила с жестокостью. Она подумала, что, наверное, следует этим восхищаться, но почему-то не получалось. Ей казалось, что лучше бы он солгал и сказал, как счастлив иметь ее своей женой. Господи, да что это с ней? Ей ведь не хочется жить с человеком, который будет ей нагло лгать. Нет-нет, совсем не хочется.

Скорее всего, причиной таких глупых мыслей была усталость. Почему ее заботит, нужна она ему или нет? Она обрела в точности то, что хотела обрести, выходя замуж: вырвалась из когтей короля Джона. Да, она теперь свободна... и в безопасности.

Вот и с Габриелем все обстоит точно так же: теперь эта земля принадлежит ему.

– Вы слишком мягкосердечны. Возможно, я предпочел бы женщину сильную, не столь чувствительную.

Она уже засыпала, когда он сказал это, и не нашла что ответить.

А он, помолчав, опять заговорил:

– Вы слишком нежны для здешней жизни, и сомнительно, что сможете продержаться здесь хотя бы год.

Судя по голосу, Габриеля не слишком огорчала такая перспектива. Джоанна постаралась воздержаться от возражений. Да и что она могла сказать? Что она очень крепкая и не менее вынослива, чем любая из женщин Нагорья? Говорить это было бы бесполезно. Габриель уже сделал свои выводы, и только время способно доказать, что она вовсе не тепличный цветок: у нее есть запас жизненных сил, и она уверена, что выживет в здешних условиях.

– Вы слишком робкая, а мне бы хотелось более напористую, дерзкую.

Теперь ей потребовалось собрать всю свою волю, чтобы промолчать. Ведь она задала ему один простой вопрос, и коротенького «да» или «нет» было бы вполне достаточно. Но он, казалось, находил удовольствие в перечислении ее недостатков. В его голосе слышался смех, и, по ее мнению, это было невежливо.

– Вам в голову приходят сумасшедшие идеи, а мне предпочтительнее, чтобы жена всегда меня слушалась.

Она принялась раздраженно барабанить пальцами по его груди, и он прикрыл ее руку своей и остановил этот красноречивый жест.

Тогда Джоанна громко зевнула, демонстрируя, что хочет спать. Любой сообразительный муж тут же прекратил бы свои причитания насчет ее грехов, но Габриель, видимо, не отличался сообразительностью.

– Вас очень легко напугать. – Он вспомнил выражение ее лица, когда она впервые увидела его волкодава. – Возможно, я бы предпочел женщину, перед которой мой пес сидел бы на задних лапах.

Тепло, которое излучало его тело, убаюкивало, и захотелось теснее к нему прижаться.

– Вдобавок ко всему вы слишком хрупкая, – заявил Габриель. – Первый же порыв северного ветра сдует вас с места. Возможно, я бы предпочел женщину повыше и поплотнее.

Она уже погружалась в сон и даже не собиралась с ним спорить. Это разбирательство требовало от нее слишком большого внимания. Слушая, как супруг перечисляет ее бесчисленные изьяны, Джоанна заснула.

– А еще вы ужасно наивны, дорогая.

Габриель припомнил ее слова, что теплая погода держится здесь почти круглый год. Брат ей возмутительно солгал, а она поверила.

Он помолчал, прежде чем наконец честно ответить на ее вопрос.

– Джоанна?

Ответа не было. Тогда он нежно поцеловал ее в лоб и прошептал:

– Если без шуток, я безумно счастлив, что женился на вас.

Глава 6

Джоанна проснулась от громкого стука, потом раздался сильный грохот, и ей показалось, что обвалилась крыша. Она вскочила на постели как раз в тот момент, когда открылась дверь и вошел Габриель. Она тут же подтащила одеяло к подбородку, понимая, что выглядит не лучшим образом. Всклоченные волосы падали на глаза, и, поддерживая одной рукой одеяло, другой она отбросила их назад.

– Доброе утро, милорд.

Ему показались забавными ее стыдливые попытки укрыться, особенно если вспомнить, что ночью он исследовал каждый дюйм ее тела. К тому же она еще и вспыхнула.

– Нет нужды меня стесняться, Джоанна.

– Я постараюсь, – пообещала она, кивнув.

Габриель подошел ближе и, сложив руки за спиной, хмуро посмотрел на нее.

Она улыбнулась в ответ, а он заявил:

– Только уже не утро, а полдень.

Она очень удивилась, но попыталась оправдаться:

– Обычно я встаю с рассветом, милорд, но путешествие сюда потребовало всех моих сил.

А что это за стук, который я слышу?

– Над общим залом возводят новую крышу.

Он заметил темные круги у нее под глазами, бледность лица и пожалел, что разбудил. Но тут опять застучали молотки, и он сообразил, что в этом шуме она все равно не могла бы спать. Напрасно он позволил начать работы так рано. Его жена очень нуждается в отдыхе.

– Вы что-то хотели сказать, милорд?

– Скорее кое-какие инструкции.

Она снова улыбнулась, выказывая, как она надеялась, свою готовность выполнить любые обязанности, какие он захочет возложить на нее.

– Сегодня вы наденете плед Макбейнов, а завтра захотите переменить его на маклоринский.

– Я захочу?

– Вы.

– Почему?

– Вы здесь хозяйка обоих кланов и должны стараться не пренебрегать ни тем ни другим.

Для маклоринцев будет оскорбительно, если вы станете носить мои цвета два дня подряд. Вы понимаете?

– Нет, не понимаю. Разве вы не лэрд обоих кланов?

– Лэрд.

– И, следовательно, вождь и того и другого?

– Именно.

Он вел себя ужасающе высокомерно, да и выглядел, впрочем, так же. А голос прямо командный. Он прямо-таки возвышался над ней. Даже не верится, что ночью с ней был именно он. Воспоминание об их любовных ласках вызвало у нее судорожный вздох, она покраснела до корней волос.

– Так вы меня поняли? – спросил он, сбитый с толку взглядом ее широко распахнутых глаз.

Она покачала головой, пытаясь прояснить мысли, и призналась:

– Нет, все еще нет. Если вы...

– Не ваше дело в этом разбираться! – заявил Макбейн, теряя самообладание.

Ей казалось, что ему нужно ее согласие, но если он в нем не нуждался... Она же просто смотрела на него и ожидала дальнейших распоряжений.

– И еще одно. Я не хочу, чтобы вы занимались какой бы то ни было работой. Отдыхайте, гуляйте, дышите воздухом.

Джоанне показалось, что она ослышалась.

– Ничего не делать? Совсем? Но почему, скажите, ради бога?

Он нахмурился, увидев непонимающее выражение ее лица. Ему было совершенно очевидно, почему ей надо отдыхать, однако если хочет услышать его доводы, пожалуйста.

– Потому что вам нужно оправиться.

– От чего?

– От долгого путешествия сюда.

– Но я уже в порядке, милорд: проспала полдня, так что теперь чувствую себя отдохнувшей.

Он повернулся, намереваясь уйти, но она окликнула его:

– Габриель!

– Я просил вас не называть меня так.

– Этой ночью вы ничего не имели против, – напомнила ему Джоанна.

– Да? Когда же это?

Она вспыхнула:

– Когда мы... целовались.

– Ну, это совсем другое дело!

– Что именно? То, что вы целовали меня, или то, что потребовали назвать вас по имени?

Он не ответил.

– Габриель – прекрасное имя.

– Я все сказал по этому поводу!

Она не знала, что делать с его упрямством, но сейчас спорить с ним не собиралась. Он уже прикоснулся к щеколде двери, как вдруг услышал:

– Могу ли я сегодня участвовать в облаве?

– Я только что высказал вам свои желания. Не заставляйте меня повторяться.

– Но ведь это лишено всякого смысла, милорд.

Он обернулся и возвратился назад, к постели, хотя и был явно раздражен.

Он вовсе не хотел ее запугать! Она это поняла и улыбнулась. К тому же она прямо высказала ему свое мнение, и это было таким приятным разнообразием за долгое, долгое время. Ей стало так легко.

– Я уже объяснила, что вполне оправилась.

Он сжал рукой ее подбородок и приподнял голову, заставив смотреть прямо ему в глаза, а заметив, что она сильно не в духе, чуть не улыбнулся.

– Есть и другая причина.

Она мягко отвела его руку – трудно было сидеть с запрокинутой головой.

– И что же это, милорд?

– Вы очень слабы.

Она покачала головой:

– Вы уже высказывали это соображение сегодня ночью, мой супруг. Но это не было правдой тогда, не стало и теперь.

– Вы еще очень слабы, Джоанна, – гнул он свое, не обратив внимания на ее протест. – Требуется время, чтобы ваши силы восстановились, хоть вы и отрицаете это.

Он больше не пожелал ее слушать, просто поцеловал и вышел из комнаты.

Как только дверь за ним закрылась, она выбралась из постели. Как она допустила, что супруг так быстро составил столь предвзятое мнение о ней? Он не мог знать ее слабостей.

Джоанна размышляла об этом все время, пока умывалась и одевалась. По рекомендации отца Маккечни она облачилась в шотландский наряд – белую кофту с длинными рукавами и юбку, накинула макбейновский плед, красиво уложив его складки. Один длинный конец она перебросила через правое плечо, так что плед закрывал левую грудь, и укрепила на поясе узкой полоской коричневой кожи.

Джоанна хотела было распаковать свой лук со стрелами, выказав открытое неповиновение мужу, но раздумала: вряд ли это применимо к Габриелю. Он слишком гордый, чтобы стерпеть что-нибудь подобное.

Ее мать, очень мудрая женщина, учила, что в дом можно входить не только с парадного входа. Конечно, она всегда была предана своему мужу, но за долгие годы совместной жизни нашла много способов обойти его упрямство. Джоанна училась у матери, которая дала ей немало прекрасных советов. Она никогда не пыталась никем управлять, но ее мудрый ум всегда отыскивал подход к каждому из домашних.

Отец Джоанны, кстати, придерживался той же тактики, когда дочь ссорилась с матерью, и если его супруге случалось заупрямиться, то прибегал к тем же деликатным методам, чтобы с ней поладить. Он любил свою жену и делал все, что было в его силах, для ее счастья, но так, что она этого не замечала. И он, и она вели игру такого рода, в которой оба выигрывали. Джоанне их брак казался чуточку странным, но они были очень счастливы вместе, и она считала, что только это и имеет значение.

Джоанна хотела прожить свою жизнь в мире и спокойствии и понимала, что для этого не следует становиться мужу поперек дороги и надо стараться ладить с ним, но хотела, чтобы и он находил с ней общий язык.

Она быстро привела комнату в порядок: заправила постель и подмела пол, – потом распаковала платья и уложила в сундук, а три сумки задвинула под кровать. Когда она развязала и отбросила меховую занавесь, закрывавшую окно, солнечный свет залил комнату. Воздух был напоен ароматами Нагорья. Вид из окна был так хорош, что дух захватывало. Нижний луг зеленел как изумруд, холмы по его краям густо заросли соснами и дубами. Красные, розовые, пурпурные дикие цветы гроздьями росли вдоль тропинки, которая, казалось, уходит прямо в небеса.

Перекусив, Джоанна решила прогуляться вместе с маленьким Алексом по тропинке вдоль луга, чтобы нарвать полный подол цветов и украсить ими свой плед.

Отыскать малыша оказалось совсем не просто. Она спустилась по лестнице и остановилась у входа в большой зал. Четыре солдата пробивали в нем дальнюю стену, а трое других примостились высоко под потолком, прилаживая перекладки.

Все они сразу же заметили ее. Стук молотков затих. Поскольку все они смотрели на нее, она присела в реверансе, приветствуя их, и спросила, где сейчас может быть Алекс.

Никто ей не ответил. Она смутилась и повторила свой вопрос, устремив глаза на солдата, стоявшего у камина. Он улыбнулся, почесывая бороду, и пожал плечами.

Наконец первый командир объяснил:

– Они не понимают вас, миледи.

– Наверное, они говорят только по-гэльски, милорд?

– Да, именно так, но, пожалуйста, не называйте меня «милорд»: я всего лишь простой солдат. Зовите меня Колум.

– Как хотите, Колум.

– А вы настоящая пава в нашем плече.

Он произнес этот комплимент со страшным смущением.

– Спасибо, – ответила Джоанна, задавшись вопросом, что означает слово «пава».

Она еще раз задала наблюдавшим за ней рабочим свой вопрос, теперь уже по-гэльски. Говорить было трудно, язык буквально ломался, еще и потому, что она сильно нервничала.

И снова никто ей не ответил. Все только перевели глаза на подол ее платья. Она тоже взглянула вниз посмотреть, все ли у нее в порядке, и посмотрела на Колума, надеясь получить объяснение. Его глаза смеялись.

– Вы спросили их, видели ли они ваши ноги, миледи.

– Но я хотела спросить про сына Габриеля, – пояснила Джоанна.

Колум подсказал ей необходимое слово, и она опять повторила свой вопрос.

Рабочие ничем не могли ей помочь, и, поблагодарив их, она собралась уходить. Колум поспешил открыть ей дверь.

– Придется поработать над произношением, – вздохнула Джоанна. – По выражению лица того пожилого джентльмена можно было понять, что я сказала что-то не то.

«Да уж, совсем не то», – подумал Колум, однако и не подумал соглашаться с ней вслух, чтобы не задеть ее чувства.

– Люди оценят уже то, что вы хотя бы пытаетесь говорить на нашем языке, миледи.

– Ваш язык очень трудный, Колум. Вот если бы вы немного мне помогли...

– Каким образом?

– С этого момента говорите со мной только по-гэльски, тогда я усвою язык гораздо быстрее.

– Наверное, – согласился Колум по-гэльски.

– Простите?

– Я сказал «наверное», миледи.

Она улыбнулась:

– А вы видели Алекса?

– Он может быть внизу, на конюшнях, – ответил воин по-гэльски и показал рукой в нужную сторону, чтобы она могла догадаться о значении слов.

Она слишком увлеклась и не обращала внимания на то, что происходило во дворе, поэтому не заметила, чем занимались заполнившие его воины.

Наконец догадавшись, о чем говорил Колум, обронила «спасибо» и бросилась бегом через двор и только сейчас обнаружила, что попала в самый центр рукопашной. Колум схватил ее за плечи и едва успел оттащить в сторону: брошенное копьё чуть не резануло ее по животу.

Кто-то из маклоринцев громко выругался. Габриель наблюдал за схваткой с другой стороны двора, но как только заметил жену, тут же отдал команду прекратить маневры.

Собственное поведение ужаснуло Джоанну: надо же быть такой невнимательной! Она подобрала упавшее копьё и вручила солдату. Его лицо пылало, но от смущения или от гнева – она догадаться не могла.

– Пожалуйста, простите меня, я виновата: надо смотреть куда идешь.

Темноволосый воин быстро кивнул в ответ, а Колум, который все еще держал Джоанну за плечи, мягко потянул ее назад.

Она обернулась, чтобы поблагодарить воина, и только сейчас заметила мужа, направлявшегося к ней.

Оказавшись в центре внимания, она улыбнулась. Макбейновские воины приветствовали ее ободряющими возгласами, а маклоринские хмурились. Столь различная реакция смутила ее. Тут к ним подошел Габриель и загородил собой и тех и других. Не говоря ни слова, он в гневе сверкал глазами, глядя на Колума, и тут только Джоанна сообразила, что тот все еще держит ее. Под взглядом лэрда воин отпустил ее, и тот угрюмо уставился на жену. Та отчаянно пыталась сохранить самообладание, чтобы скрыть свой страх, и решила опередить его:

– Я вела себя неосмотрительно, милорд, каюсь. Меня могли убить.

Он покачал головой:

– Нет, не могли. Не стоит оскорблять Колума: он никогда не позволил бы ничего подобного.

Спорить с мужем она не собиралась, поэтому сразу обратилась к Колуму:

– Пожалуйста, примите мои извинения. Я никого не хотела обидеть. Чтобы смягчить гнев супруга, я решила сразу признать свою невнимательность.

– Разве у вас проблемы со зрением? – грозно спросил Макбейн.

– Нет, – пролепетала Джоанна.

– Тогда как, скажите, бога ради, вы не заметили, что мои люди оттачивают навыки в метании копья?

– Я уже объяснила, милорд: не обращала внимания на происходящее.

Муж никак не отреагировал на это объяснение: просто молча смотрел на нее, ожидая, пока уляжется гнев. То, что жена была на волосок от смерти, чертовски его испугало, и сразу успокоиться не получалось.

Молчание затянулось, и первой прервала его Джоанна.

– Простите за то, что нарушила ваши занятия. Если хотите меня ударить, пожалуйста, сделайте это поскорее: ожидание становится невыносимым.

Колум не мог поверить собственным ушам:

– Миледи...

Макбейн вскинул руку, призывая тем самым к молчанию, а Джоанна инстинктивно отступила, закрыв руками голову, но решила предупредить:

– Знайте, милорд: вы можете меня ударить, но в ту минуту, как это произойдет, я оставлю ваши владения.

– Но, миледи, не думаете же вы, что милорд...

– Отойдите, Колум, я сам! – гневно приказал лэрд, вне себя от оскорбления, которое нанесла ему жена, но, видит Бог, пережитый только что страх за ее жизнь был сильнее.

Взяв Джоанну за руку, он поднялся по ступенькам в дом: для предстоящего важного разговора ему не нужны были свидетели. Он двигался так стремительно, что она споткнулась, но быстро выпрямилась и поспешила за мужем. Колум хмуро смотрел им вслед. Лэрд тащил госпожу за собой, словно барана на заклание, а она, бедняжка, наверное, думает, что он собирается отвести ее в уединенное место, чтобы забить.

Подошел Кит, рыжеволосый вождь маклоринцев.

– Что у вас тут стряслось?

– Леди Джоанна... Кто-то, наверное, забил ей голову дурацкими рассказами про милорда. Думаю, она боится его, – расстроено сообщил Колум.

Кит усмехнулся:

– Женщины болтают, что она боится даже собственной тени, но при этом пытается сохранить чувство собственного достоинства. С первого же взгляда они стали называть ее Храбрым Кроликом.

Колум разозлился: значит, они считали ее трусишкой, ничего толком о ней не зная, – и предупредил:

– Макбейн этого не потерпит. Кто придумал такое прозвище?

– Это не важно, – заявил Кит. – А что, разве что-то не так? Все видели, как леди Джоанна задрожала при виде собаки милорда и какие испуганные взгляды бросает на самого Макбейна всякий раз, когда он заговаривает с ней.

Колум оборвал его:

– Возможно, она просто стеснительная, но уж никак не трусишка. Вашим женщинам надо укоротить языки: слишком распустились. Если еще раз услышу от кого-нибудь это прозвище, буду наказывать.

– Вам легче ее принять, – попытался объяснить Кит. – Но маклоринцы не так отходчивы. Ведь это ее первый муж разрушил все, что они с таким трудом построили. Им трудно забыть об этом.

Колум покачал головой:

– Нагорцы никогда ничего не забывают. Ты знаешь это так же хорошо, как и я.

– Значит, простить, – уточнил Кит.

– Она не имеет никакого отношения к тому, что здесь происходило, и потому не нуждается ни в чем прощении. Напомни это своим женщинам, и пусть прикусят языки.

Кит кивнул в знак согласия, хотя вовсе не был уверен, что его предостережение урезонит женщин. Они были настроены против нее, и он понятия не имел, что может заставить их изменить свое отношение.

Оба воина провожали взглядами лэрда с супругой, пока те не скрылись из виду. Несмотря на то что вокруг уже никого не было, Макбейн все шел и шел, чтобы окончательно успокоиться, прежде чем начать разговор.

Наконец он остановился и посмотрел на нее. Она не подняла глаз и пыталась высвободить руку, но он не позволил.

– Вы нанесли мне серьезное оскорбление, предположив, что я способен ударить женщину.

Ее глаза были огромными от ужаса. Вид у него был такой свирепый, что, казалось, он может убить, а не то что ударить.

– Неужели вам нечего сказать, жена?

– Я нарушила ход маневров.

– Да, нарушили!

– По моей вине солдат мог меня ранить и ни за что получить наказание!

– Именно!

– И я видела, что вы разгневаны.

– Да, чертовски!

– Габриель, почему вы кричите?

– Я привык командовать и рассчитываю на то, что мои приказы будут выполнены. Мне казалось, что пройдет время и вы научитесь мне доверять. Но теперь я вынужден потребовать, чтобы вы доверились мне прямо сейчас, с этой минуты.

Как будто это так просто!

– Я думаю, вы требуете невозможного, милорд. Доверие надо заслужить.

– Тогда предположите, что это уже произошло! – заявил Макбейн. – Скажите, что доверяете мне, и вопрос будет решен, черт возьми! И еще зарубите себе на носу: ни один здешний мужчина никогда не тронет женщину, потому что только трус способен на это, а среди нагорцев трусов нет. Вы можете ничего и никого здесь не бояться. Я прощаю вам оскорбление, поскольку вы этого не знали, но впредь не буду столь снисходительным. Хорошенько запомните это.

Она с любопытством взглянула на мужа.

– А если я опять ненароком оскорблю вас? Что мне грозит?

Он никогда не задумывался об этом, да и не собирался.

– Такого больше не случится.

Джоанна сочла инцидент исчерпанным и кивнула, но, подумав, решила все же попросить у супруга прощения.

– Милорд, у меня ужасный характер: сначала делаю, потом думаю. И происходит это помимо моей воли. Прошу меня простить: я очень постараюсь доверять вам, – и огромное вам спасибо за терпение.

Судя по тому, как она сжимала и разжимала кулачки, ей это признание далось тяжело.

– Я и сама не понимаю, почему всегда жду худшего, – озадаченно продолжала Джоанна. – Я никогда бы не вышла за вас замуж, если бы заподозрила, что вы будете дурно со мной обходиться. Я безоговорочно верю Николасу: а он уверял, что вы человек порядочный, – и все же какая-то частичка меня никак не может в это поверить.

– Вы очень меня порадовали этим признанием, – улыбнулся Макбейн. – Я знаю, как тяжело далось вам это признание. Итак, куда же вы держали путь, когда едва не нарвались на копьё?

– Искала Алекса. Хотела взять с собой на прогулку по лугу, чтобы нарвать цветов.

– Но ведь я велел вам отдыхать.

– Вот я и хотела спокойно погулять, подышать свежим воздухом... Габриель... Ой, что это? – вдруг воскликнула Джоанна. – Там кто-то ползет на четвереньках.

Она придвинулась к мужу, губы у нее дрожали, а он даже не обернулся и просто объяснил:

– Это Огги.

– А что он делает на четвереньках?

– Роем ямы.

– Зачем?

– Чтобы забить в них камни посохом. Он так забавляется.

– Он что, не в себе? – предположила Джоанна, но так тихо, чтобы старик ее не расслышал.

– Не обращайтесь на него внимания – пусть развлекается как хочет.

Муж взял ее за руку и начал подниматься обратно на холм. Джоанна то и дело оглядывалась через плечо на человека, который ползал по лугу на четвереньках, и заметила:

– Он из клана Макбейнов. На нем ваш плед.

– Наш, – поправил ее муж. – Огги один из нас. Алекса здесь нет. Сегодня рано утром я отправил его к родственникам, брату его матери.

– И надолго?

– Пока не закончим укреплять стену. Когда все будет завершено, Алекс вернется домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.